

РЕНЕ ЭНН МИЛЛЕР

Никогда не целуй маркиза

ШАРМ

Шарм (АСТ)

Рене Энн Миллер

Никогда не целуй маркиза

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Миллер Р.

Никогда не целуй маркиза / Р. Миллер — «Издательство АСТ»,
2019 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-121460-9

Жизнь Джеймса Трента, маркиза Хантингтона, нельзя назвать легкой. Он скрывается в сельской глуши уединенного имения от ядовитой молвы, безжалостно называющей его убийцей жены, и в одиночестве пытается воспитывать братьев и сестру. А тут еще и раненая прекрасная незнакомка падает ему на руки – в самом прямом и буквальном смысле слова... Бедняга еще не знает самого страшного – он спас и приютил в своем доме журналистку Кэролайн Лоуренс. И Кэролайн весьма решительно настроена выяснить, много ли истины в слухах, обвиняющих ее спасителя в убийстве. Главное – сохранять профессиональную объективность и ни в коем случае не поддаваться обаянию подозреваемого!

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-121460-9

© Миллер Р., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Рене Энн Миллер

Никогда не целуй маркиза

*Посвящаю эту книгу моим замечательным родителям и Джону.
Они показали мне, что такое истинная любовь*

© Renee Ann Miller, 2019

© Перевод. Н.Г. Пшеницына, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Глава 1

Хелмсфорд, Англия

Апрель 1878 года

При переезде через канаву экипаж сильно тряхнуло, но он, не останавливаясь, продолжил движение. Кэролайн Лоуренс, пробормотав что-то недостойное настоящей леди, вцепилась в сиденье, чтобы не свалиться на пол. Очевидно, ей достался не лучший возница для поездки от станции до деревни в Эссексе.

– Тпруу! – закричал на лошадей кучер. Экипаж заскрипел, дернулся и остановился.

Кэролайн выглянула в окошко. Под хмурым апрельским небом около каменного амбара собралась толпа, в основном состоявшая из женщин, и к ним с речью о правах женщин обращалась Беатрис Уолкер.

Кэролайн охватило волнение, и она опустила на лицо черную вдовью вуаль. Нельзя, чтобы сплетники донесли отцу о том, что видели ее здесь; он должен был вернуться из Парижа, где находился с дипломатической миссией. Отец не одобрил бы ни ее поездку сюда, ни ее статью в газете «Лондон Реформер», которую она собиралась написать о деятельности Беатрис Уолкер.

«Не одобрил бы» – слабо сказано! Отец терпеть не мог эту прогрессивную газету. А что бы он сказал, если бы узнал, что его дочь и есть тот самый С. М. Смит – широко известный журналист, пишущий для этой газеты? Она вспомнила слова отца: место женщины – в доме.

Впрочем, это не важно. Ее охватывал неподдельный восторг, когда она видела свои статьи в «Лондон Реформер». Женщины не могли стать членами парламента, поэтому ее статьи предоставляли возможность высказаться тем, кого лишали права голоса. Например – ее матери. Перед смертью мама призналась, что всю жизнь чувствовала свое бессилие (в доме ее считали просто украшением). Хотя Кэролайн неминуемо ждал отцовский гнев, узнай он, кто скрывался под псевдонимом С. М. Смит, мама гордилась бы ею.

Кучер распахнул перед ней дверцу экипажа и улыбнулся беззубым ртом.

– Вы подождете меня? – Кэролайн вышла из экипажа.

– Непременно, мисс.

Она сжала в руке зонтик, подобрала подол скромного черного платья и пошла по грязной дороге в сторону собравшейся толпы.

Мисс Уолкер, высокая крепкая женщина, взобравшись на ящик, обращалась к толпе:

– Сегодня я поговорю с вами о том неравенстве, с которым приходится сталкиваться женщинам.

Какой-то коротышка, стоявший перед Кэролайн, громко выкрикнул:

– Это все полная ерунда!

Кэролайн повернулась к нему и заявила:

– Простите, сэр, но мне хотелось бы ее послушать, если вы не возражаете.

– Слушать этот бред? – прохрипел коротышка.

– Отправляйся домой, старая ведьма! – обращаясь к мисс Уолкер, закричал полный мужчина в помятом коричневом костюме, стоявший в первом ряду.

– Лучше поищи себе мужа! – выкрикнул третий.

За все свои двадцать лет Кэролайн ни разу не видела, чтобы к оратору так относились. Но суфражистка не моргнув глазом продолжала свою речь, не обращая внимания на оскорбления.

И тут коротышка достал из кармана яйцо и размахнулся...

Но Кэролайн мгновенно подняла свой зонтик и ударила грубияна по голове. В результате рука его дрогнула, и брошенное яйцо попало в краснолицего толстяка в коричневом костюме.

Тот грубо выругался – разбитое яйцо испачкало костюм. Мужчина стащил с себя пиджак и швырнул его на землю, после чего накинута с кулаками на человека, бросившего яйцо.

– Эй, Макалистер, это ж мой лучший пиджак! – завопил он. – Ты должен был кинуть в ту ведьму, а не в меня, придурок!

Некоторые из женщин начали осуждать мужчин, в результате чего разразился скандал, и теперь уже все кричали – и мужчины, и женщины. Коротышка, бросивший яйцо, и толстяк катались по земле в тучах пыли, в то время как Беатрис Уолкер как ни в чем не бывало продолжала говорить.

Маленькая седовласая старушка, которой было, видимо, лет сто, колотила зонтиком всех попадавшихся ей мужчин. Неожиданно со страшным криком она накинута на человека, стоявшего перед Кэролайн. Мужчина увернулся, и край зонтика задел вуаль Кэролайн. Шляпка слетела с головы – и полетела, крутясь и кувыркаясь, как раненая птица. Девушка в испуге стала озираться – нет ли поблизости каких-нибудь знакомых. Прикрывая лицо ладонью, она наклонилась, чтобы поднять шляпку, но кто-то снова задел ее, и та откатилась еще на несколько метров.

«О боже!» – мысленно воскликнула девушка. Став на четвереньки, она поползла между ног обезумевшей толпы. Когда же рука ее оказалась совсем близко от цели, чья-то нога наступила на край вуали. Кэролайн подняла глаза и увидела сначала высокие сапоги, а потом – мускулистые бедра, широкую грудь и широченные плечи. Перед ней стоял джентльмен в черных бриджах и сюртуке для верховой езды. Подбоченившись, он с невозмутимым видом глядел на происходившее. Темные глаза, прямой нос и высокие скулы придавали его лицу суровое и отчасти даже свирепое выражение, однако шелковистые черные кудри немного смягчали это впечатление.

– Что здесь происходит? – осведомился суровый джентльмен.

Некоторые женщины замерли, разинув рот. Да и мужчины явно оробели. Кэролайн же выпрямилась и отступила на шаг. И все присутствующие молчали – даже Беатрис Уолкер.

А незнакомец, нахмурившись, подошел к тому месту, где на земле лежал толстяк, на котором сидел коротышка, бросивший яйцо.

– Макалистер, что происходит?

Коротышка тотчас же вскочил на ноги, раскрыл было рот – но не смог произнести ни звука.

– Я жду ответа, – произнес строгий джентльмен.

– Это не моя вина, милорд! – завопил коротышка и ткнул пальцем в сторону Кэролайн. – Это все она!

– Неправда! – ответила девушка.

– Сущая правда! – кричал мужчина. – Это вы стукнули меня зонтиком! Да-да, это вы виноваты!..

Суровый джентльмен приподнял темную бровь и, взглянув на девушку, спросил:

– Вы действительно ударили его зонтом?

Услышав этот низкий голос, Кэролайн почувствовала, что у нее подгибаются ноги. Но она тотчас же сказала себе: «Ты сильная женщина, а сильные женщины не боятся мужчин – даже если у них широкие плечи».

Вскинув подбородок, она заявила:

– Да, это правда. Но я это сделала, потому что он хотел бросить яйцо в мисс Уолкер.

Пронзительный взгляд джентльмена обратился на Макалистера, и тот в отчаянии завопил:

– Милорд, но это было совсем маленькое яичко!

Джентльмен снова нахмурился и подал знак худощавому мужчине, стоявшему у него за спиной (тот был в черной униформе констебля).

– Инглс, мне кажется, Макалистеру нужно провести ночь в тюрьме – пусть подумает о своем поведении, – сказал грозный незнакомец, после чего обратился к Кэролайн: – Ваше имя, мадам?

Девушка закусил губу. Конечно, имя ее отца помогло бы ей избежать неприятностей здесь, но если родитель все узнает, то придет в ярость и, возможно, отправит ее в монастырь в Оксфордшире (он уже не раз грозился это сделать, когда бывал ею недоволен). И отец больше никогда не станет с ней разговаривать, хотя и сейчас разговаривал крайне редко.

Констебль направился к Кэролайн.

– Сэр, ее тоже арестовать? – спросил он.

«Как арестовать?» – Кэролайн вспыхнула и попятилась. И вдруг, споткнувшись о толстяка, все еще лежавшего на земле, взмахнула руками и, упав на спину, ударилась о землю сначала поясницей, а потом плечами и головой. В ушах у нее зазвенело, а перед глазами заплясали вспышки света и темные пятна.

Незнакомый джентльмен опустился рядом с ней на колени и что-то ей сказал, но Кэролайн не смогла разобрать ни слова. А несколько секунд спустя она погрузилась во тьму – словно упала в черную бездну.

Джеймс Трент, маркиз Хантингтон, уперся локтями в стол и в гневе уставился на доктора Кларка. Неужели этот лекарь действительно хочет, чтобы он оставил пострадавшую у себя в Трент-Холле?!

– А почему вы не желаете забрать ее к себе домой? – осведомился маркиз.

Доктор покраснел, как юная дебютантка, почувствовавшая, что похотливый ухажер полез ей под юбку.

– Милорд, я же холостяк... – пробормотал он.

Джеймс нахмурился. Интересно, что этот лекарь о нем думал? Жена Джеймса умерла два года назад в Лондоне. Доктор Кларк совсем недавно приехал к ним в Хелмсфорд, но местные сплетницы наверняка передали ему злобные слухи о смерти Генриетты – считалось, что маркиз сыграл роковую роль в смерти жены.

Доктор же нервно переминался с ноги на ногу, что подтверждало его осведомленность.

– Милорд, с вами вместе живут ваши братья и сестра, а я живу один, – добавил он.

Значит, братья и сестра... В глазах общества наличие в доме родственников смягчало ситуацию, но на самом деле все было совсем не так. Как раз вчера Энтони вернулся из Кембриджа, а уже сегодня отправился в местный паб «Свинья и свистулька» и, вероятно, уже затащил в постель какую-нибудь служанку. И теперь ему, Джеймсу, придется следить за тем, чтобы этот молодой наглец не попытался совратить девушку, оказавшуюся у них в доме.

«Попытался? Проклятье!» Да стоит только его брату посмотреть на эту девушку – у него тут же потекут слюнки. Она ведь очень хороша собой – потрясающие зеленые глаза, красивые чувственные губы и пушистые каштановые волосы с золотистым блеском...

– Сколько времени потребуется для ее выздоровления? – спросил маркиз.

Доктор ненадолго задумался, потом пробормотал:

– Трудно сказать, сэр. Травмы головы дают непредсказуемые последствия. Возможно, потребуется неделя.

«Неделя?!» Это значительно дольше, чем ему хотелось бы.

– Вы узнали, есть ли у нее родственники? Откуда она приехала?

– Когда она пришла в сознание, то спросила только о своей вуали. Мне кажется, она потеряла ее во время драки. Потом сказала, что ей срочно нужно в Лондон, и потребовала отправить ее туда прямо сегодня. А когда я сказал ей, что ехать никак нельзя, она пришла в ярость. Пришлось дать ей настойку. И теперь она спит. – Доктор поклонился и, не сказав больше ни слова, удалился.

Джеймс тяжело вздохнул и потянулся к финансовому отчету, прибывшему этим утром от его деловых партнеров Саймона Адлера и Хейдена Уэстфилда.

Внезапно дверь открылась и вошел Джорджи, самый юный и наименее беспокойный из его родственников.

– Ты почему не в классной комнате? – строго спросил Джеймс.

Его восьмилетний брат уселся в кресло рядом со столом и, болтая ногами, сообщил:

– Мистер Харкинс задремал во время урока математики. Он так храпит, что у меня голова разболелась.

Маркиз откинулся на спинку кресла и провел ладонью по подбородку. Харкинс действительно очень постарел и уже не мог учить, но Джеймсу не хотелось отправлять его на пенсию. У старика не было семьи, и без работы он просто пропал бы. Харкинс много лет служил у них в доме и когда-то учил его, Джеймса. Учил он и проказника Энтони, из-за которого начал сесть раньше времени. Нет, старика нельзя было увольнять.

– Какое арифметическое действие вы проходили?

– Умножение на пять. – Джорджи наморщил нос.

Джеймс встал и потрепал мальчика по голове.

– Ладно, хорошо. Беги и принеси тетрадь и карандаш. Будем заниматься вместе.

Через мгновение Джорджи выскочил из комнаты, но дверь тут же открылась вновь, и в кабинет расхлябанной походкой вошел Энтони. Одежда на нем была в беспорядке, и это значило, что с ним что-то произошло. Этому распутнику очень повезет, если до достижения совершеннолетия он не подцепит французскую болезнь – или если его не сразит пуля какого-нибудь разъяренного мужа.

Энтони шлепнулся в кожаное кресло, в котором только что сидел Джорджи, и проговорил:

– Джеймс, слышал бы ты, какую чушь говорят о тебе в «Свинье и свистулке»!..

Маркиз промолчал. И начал массировать затылок. Что ж, можно было представить, какие о нем ходили сплетни...

– Говорят, когда выступала суфражистка Беатрис Уолкер, ты пришел в такую ярость, что толкнул какую-то девицу и сбил ее с ног, – продолжал Энтони. – Возмутительно, верно? Представляешь, о чем шепчутся обитатели этой глуши?!

«Значит, толкнул?» Выходит, именно его, Джеймса, обвиняли в совершении этого безобразного поступка? А он-то просто хотел навести порядок, поскольку Беатрис Уолкер заслуживает цивилизованного отношения. Но, как всегда, о нем распространяли злобные сплетни.

Дверь снова открылась, и в комнату впорхнула его сестра Нина. Ее щеки горели.

– Что это за женщина спит на кушетке в голубой гостиной? – спросила она. – И почему мне не сказали, что у нас доктор Кларк? – Нина тронула висок. – Ох, чувствую, у меня начинается головная боль. Пусть он меня осмотрит.

Джеймс скрипнул зубами. Его очень беспокоил постоянный интерес Нины к доктору – и вообще ко всем мужчинам. Год назад Джеймс уехал из Лондона в свое поместье не только для того, чтобы проследить за установкой системы водоснабжения, но и за тем, чтобы присматривать за своей легкомысленной сестрой.

Глаза Энтони округлились, он вскочил и воскликнул:

– Женщина?! Боже мой, Джеймс, неужели то, о чем говорят, правда?!

– Успокойся, Энтони! Ты же знаешь, я никогда не обижу женщину.

Младший брат покраснел.

– Извини... – пробормотал он. – Не знаю, отчего это мне пришла в голову такая чушь.

Джеймс тяжело вздохнул.

– Ну, идите-ка и вы по своим делам. Мне надо работать.

– И все-таки... Кто она, эта женщина? – спросила Нина.

Маркиз встал, обнял сестру и подтолкнул ее к выходу, указав и Энтони в сторону двери.
– Видимо, теперь она будет нашей гостьей. Скажите Лэнгли, чтобы кто-нибудь из лакеев отнес ее в спальню рядом с моей. – Джеймс решил, что таким образом он помешает Энтони навещать к девушке.

Маркиз уже выпроводил родственников за порог, когда те в один голос воскликнули:

– В спальню рядом с твоей?!

– Да! – ответил Джеймс и закрыл за ними дверь.

Глава 2

Кэролайн открыла глаза и тут же села на огромной кровати под балдахином. Перед глазами все поплыло. Она обхватила голову руками, чтобы остановить кружение. Когда в голове все успокоилось, Кэролайн осмотрелась. Лампа, стоявшая высоко на каминной доске, отбрасывала слабый свет на элегантную мебель красного дерева и на сиреневого цвета постельное белье. Около камина стоял обитый шелком стул, на котором лежали ее платье, нижние юбки, корсет и чулки.

Опустив глаза, девушка окинула себя взглядом. На ней были только панталоны и нижняя рубашка. Щеки ее вспыхнули. Кто снял с нее одежду? Она могла вспомнить только широкоплечего джентльмена с неодобрительной усмешкой на лице. Неужели это он ее раздел? Такая мысль заставила покраснеть до корней волос.

Где-то в доме пробили часы. Два часа ночи! Ах, ей нужно немедленно вернуться домой! Миссис Рот будет ужасно беспокоиться. Их домоправительница была единственным человеком в доме отца, знавшим, что Кэролайн отправилась в Хелмсфорд, чтобы послушать Беатрис Уолкер. Но даже она не знала, что журналист С. М. Смит – это и есть Кэролайн. Ее секрет не знал никто. А если Анна и Чарлз, ее компаньоны в этом сезоне, приедут в Лондон и узнают, что она исчезла, то они могут заявить об этом в Скотленд-Ярд или, что еще хуже, сообщат отцу в Париж.

Внезапно тишину нарушил чей-то храп. Кэролайн прижала стеганое одеяло к груди и снова осмотрелась. В углу комнаты сидела полная пожилая служанка в чепце и накрахмаленном переднике. Она спала, уронив голову на большую грудь.

Неужели эта женщина помешает ей бежать? Нет, конечно же. Стараясь не шуметь, Кэролайн соскользнула с кровати. Увы, ноги ее тотчас же подкосились, и она, схватившись за спинку кровати, подождала, когда дрожь в коленях пройдет. Потом стала одеваться. Пальцы с трудом справились с крючками на поясе. А кошелек для мелкой монеты исчез. Девушка сунула руку в боковой карман платья и нащупала там маленький мешочек с монетами. Слава богу! Ведь для того, чтобы вернуться домой, требовались деньги.

Тут служанка, спавшая в углу, издала громкий храп, затем вздрогнула – и открыла глаза. Кэролайн в испуге замерла, но глаза старухи снова закрылись. Девушка на цыпочках вышла из комнаты и крадучись пошла по длинному темному коридору. Дом казался столь же огромным... как Виндзорский дворец. Впереди виднелась широкая винтовая лестница с чугунными перилами, которую освещал лунный свет, льющийся через большое итальянское окно.

Опершись на перила, Кэролайн заглянула вниз. Там находился вестибюль, а дальше виднелась входная дверь. Свет из окна падал на черно-белый мраморный пол. Кэролайн начала спускаться по лестнице. Где-то в середине лестницы ее лоб покрыла испарина, и ей пришлось покрепче схватиться за перила.

«Я уже почти спустилась, – сказала она себе. – Осталось всего несколько шагов».

Вот и последняя ступенька. Ее нога коснулась холодного каменного пола. Девушка приподняла край юбки – и замерла: «А где же туфли?!»

Боже, где была ее голова?! Придется вернуться в спальню. Но лестница, ведущая вверх, казалась ужасно страшной – почти как вулкан Везувий. Тут она вдруг заметила, что у входной двери стояла пара сапог. Великоваты, конечно, но...

Сделав еще несколько шагов, Кэролайн схватила сапоги и взялась за дверную ручку.

Внезапно за ее спиной кто-то кашлянул.

Сердце девушки бешено забилося; она повернулась, прижимая сапоги к груди. В нескольких шагах от нее стоял тот самый джентльмен с суровым лицом. Стоял, опираясь о косяк приоткрытой двери. На нем не было ни шарфа, ни сюртука, а верхние пуговицы белой рубашки

были расстегнуты. Свет, льющийся из полуоткрытой двери, падал на мускулистую грудь и на руки, сложенные на груди. Рукава же рубашки были закатаны и... Ах, Кэролайн никогда еще не доводилось видеть столько открытого мужского тела. Она перевела взгляд на лицо мужчины. И тут он вдруг произнес:

– Вы куда-то собрались, мадам? – Его взгляд остановился на ее босых ногах, выглядывавших из-под подола юбки, потом – на сапогах, прижатых к груди девушки. – Знаете, вы не очень-то похожи на ночного грабителя.

– После возвращения домой я бы непременно прислала вам деньги за эти сапоги, – ответила девушка.

– Вы живете в Лондоне?

Кэролайн молча кивнула. У нее пересохло во рту, и было трудно говорить.

– И вы собираетесь идти туда пешком?

Кэролайн отрицательно покачала головой; впрочем, она не очень хорошо представляла, что, собственно, собиралась делать. Ведь кучер, скорее всего, не дождался ее и уехал...

– Уверяю вас, – проговорил мужчина, – если вы отправитесь сейчас, то вам придется идти пешком, так как в этот час ни один поезд не отправляется с нашей станции. – Бесшумно ступая, он шагнул в ее сторону (на ногах у него были только чулки). И теперь, когда на лице его не было того сурового выражения, он казался гораздо моложе. Возможно, ему было около тридцати.

Тут Кэролайн вдруг почувствовалось, что пол уходит у нее из-под ног, и она схватилась за стену.

– Вам дурно? – Джентльмен подошел совсем близко и взял ее за локоть.

Но Кэролайн едва это почувствовала: все кружилось у нее перед глазами – как будто она сидела на карусели. Сапоги выскользнули из ее рук и со стуком упали на пол. Колени же подогнулись, и ей показалось, что она падает.

Но этот джентльмен... Он вроде бы подхватил ее. А потом послышался его голос:

– Не беспокойтесь, я вас держу. – И в голосе этом... в нем было что-то гипнотическое.

– Мне необходимо ехать, – пробормотала девушка.

– А я считаю, что вам сначала необходимо поправиться. Вы сможете уехать через день-два, если выздоровеете. – И мужчина, держа ее на руках, стал подниматься по лестнице.

Кэролайн изо всех сил пыталась не смыкать отяжелевшие веки.

– Слишком поздно... – прошептала она. – Тогда на следующий месяц меня отправят в монастырь.

Движение вверх по лестнице прекратилось. И снова послышался мужской голос:

– Вам что, придется вступить в религиозный орден?

Кэролайн молча кивнула. Она знала: если ее строгий отец узнает, где она была, то он непременно отправит ее к монахиням в Оксфордшир.

Движение вверх по лестнице возобновилось, и девушка закрыла глаза. Но при этом она ощущала, как перекачивались под рубахой могучие мускулы незнакомца. Если бы он пожелал, то смог бы легко с ней справиться. Однако же, как ни странно, рядом с ним она чувствовала себя в полной безопасности.

Джеймс вглядывался в лицо женщины, спавшей у него на руках. Когда он увидел ее в буйной толпе, она показалась ему очень хорошенькой – из-за покрасневших щек и удивительных зеленых глаз. Но теперь, когда ее каштановые волосы свободно струились меж его рук, слово «хорошенькая» показалось ему слишком слабым. О, это была настоящая красавица!

Но монахиня?.. Хм... странно. А впрочем... Доктор Кларк сказал, что она спрашивала про свою вуаль. Что ж, тогда многое становилось понятным. Хотя сначала, когда Джеймс обратил внимание на ее скромное черное платье, он решил, что она чья-то гувернантка.

Следовало немедленно отправить Энтони в Лондон. Если эта девица еще не приняла обет безбрачия, брату она покажется очень соблазнительной.

Однако же... Как случилось, что женщина, намеревавшаяся отправиться в монастырь, стала бить мужчину зонтиком? И с какой стати будущая монахиня решила послушать Беатрис Уолкер? Кроме того, она попыталась сбежать, прихватив его сапоги. Да, действительно странно...

Маркиз зашагал по коридору, и тут женщина издала тихий вздох. А затем ее рука скользнула ему под рубашку, и пальцы коснулись его груди.

Джеймс тотчас же почувствовал напряжение в паху. Проклятье! Он слишком долго обходился без женской ласки, и вот сейчас... За такую безобразную реакцию Господь может сурово наказать его!

Сделав еще несколько шагов, маркиз открыл дверь спальни. Служанка, которой он приказал присматривать за гостьей, громко храпела, сидя на стуле. Наверное, не следовало ее будить. Ведь если кто-нибудь увидит, как он несет на руках молоденькую девицу... Это могут неправильно истолковать.

Джеймс осторожно опустил девушку на кровать и укрыл ее одеялом до самого подбородка. Затем, выпрямившись, огляделся и поспешно вышел в гостиную, расположенную между этой комнатой и его спальней. Для него комната, где спала гостья, была полна воспоминаний о Генриетте, его покойной жене. Со дня ее смерти он ни разу сюда не заходил.

Закрыв за собой дверь, Джеймс стащил с себя рубашку. Чуть помедлив, поднес ее к носу и почувствовал тонкий аромат роз – так пахла кожа молодой женщины. «Похоже, что уезжать подальше от соблазна нужно нам обоим – и брату, и мне самому», – промелькнуло у него.

На следующее утро, когда солнце едва поднялось из-за горизонта, маркиз оседлал своего жеребца, чтобы прокатиться по парку Трент-Холла. Ему не спалось, поэтому он быстро оделся и отправился на конюшню. Всю ночь его беспокоили самые разнообразные мысли. Джеймс думал об Энтони, о Нине и о незнакомке. Он прекрасно понимал, почему его заботила судьба братьев и сестры, – но почему же его так беспокоило здоровье молодой гостьи?

Сегодня же он потребует, чтобы она написала своим родственникам и уведомила их о том, что получила травму и теперь лечится в Трент-Холле. И, конечно же, необходимо, чтобы ее родственники знали: хозяин поместья, лорд Хантингтон, живет здесь вместе со своей семьей, то есть с братьями и сестрой. Такое известие заставит родню девушки срочно отправиться в Эссекс, чтобы забрать ее. Слухи о том, что он, Джеймс, якобы погубил свою жену, распространились по всей Англии, поэтому семья со строгими нравственными правилами не допустит, чтобы их невинная родственница пребывала под одной крышей с таким человеком.

Через некоторое время Джеймс направил коня обратно к конюшне. Соскочив на землю, он похлопал жеребца по шее и сказал:

– Молодец, Тор!

Тут появился конюх, и маркиз распорядился:

– Уилсон, проследи, чтобы Тору почистили копыта. И угости его чем-нибудь.

Направляясь к дому, Джеймс поднял голову и внимательно посмотрел на утреннее небо. Оно было окрашено в акварельные оттенки голубого и розового. День обещал быть теплым, с прохладным ветерком. Вместе со своими работниками Джеймс собирался заняться канавами для системы водоснабжения. Может быть, Энтони тоже к ним присоединится – тяжелый физический труд пойдет ему на пользу. Не все же ему развлекаться похождениями в «Свинье и свистульке»...

Войдя в дом, маркиз стянул заляпанные грязью сапоги, поставил их на коврик у входа, потом направился к лестнице. Он любил такие ранние часы, когда все вокруг еще мирно спало

и на него не обрушивались всевозможные заботы. А сейчас даже дворецкий Лэнгли не вышел, чтобы принять у хозяина редингот ¹, – он понимал настроение Джеймса.

Такая тишина сохранится еще несколько часов. Только Джорджи будет завтракать вместе с ним в столовой. А Энтони и Нина завтракали в своих спальнях.

Джеймс очень любил своих братьев и сестру, хотя они частенько действовали ему на нервы. Ему хотелось, чтобы они всегда поступали правильно, а еще больше хотелось, чтобы все в их жизни сложилось наилучшим образом. И конечно же, они должны были венчаться по любви – никаких брачных сделок. Если он и мог что-то для них сделать, так это уберечь их от подобного будущего. Да, следовало спасти их от того, что ему самому пришлось вынести – ведь он-то женился без любви, по расчету. Что ж, их сундуки теперь в полном порядке, и он, Джеймс, будет и дальше заботиться о семейном благосостоянии, чтобы его родным не пришлось выходить замуж или жениться не по любви.

Маркиз уже преодолел лестницу и шел по западному коридору в сторону своей спальни, когда вдруг услышал громкие голоса. Интересно, кто посмел поднять такой шум в столь ранний час? Хм... глупый вопрос. В западном крыле, кроме него, был только один обитатель, вернее – обитательница.

Сделав еще несколько шагов, маркиз постучал в дверь, расположенную около его спальни.

– Да, войдите! – раздался голос гостьи.

Сделав глубокий вдох, Джеймс открыл дверь.

Служанка, спавшая в этой комнате, крепко прижимала к груди пару черных дамских ботинок, а молодая гостья пыталась их отнять.

– Что за шум? – спросил маркиз.

Обе женщины повернулись к нему. Лицо служанки побледнело. Зеленые же глаза гостьи сверкали гневом, а ее светло-каштановые локоны поблескивали точно золото в лучах яркого солнца. Отбросив волосы за спину, она направилась к нему с видом амазонки, идущей в бой.

---

¹ Редингот – сюртук для верховой езды.

Глава 3

Вскинув подбородок, Кэролайн пошла навстречу широкоплечему мужчине с суровым лицом.

– Сэр, я должна немедленно уехать, а для этого мне нужны мои ботинки! – заявила девушка.

Маркиз кивнул служанке, и та молча отдала гостье обувь.

– Благодарю, – сказала Кэролайн и направилась к одному из обитых шелком стульев, стоявших около камина. Взгляд мужчины, казалось, прожигал ей спину, но она старалась его не замечать.

Усевшись на стул, Кэролайн чуть приподняла подол своего черного платья и стала натягивать ботинки. Для этого ей пришлось наклониться – и в голове снова начало пульсировать. Закусив губу, девушка постаралась не обращать внимания на боль.

Проклятье! Чтобы послушать Беатрис Уолкер, ей пришлось пойти на всевозможные ухищрения. Она хотела написать потрясающую статью, а вместо этого получила жуткую мигрень. Выпрямившись, Кэролайн почувствовала, что вся покрылась потом, а воздух в комнате внезапно показался ей ужасно холодным, и на руках у нее появилась гусиная кожа.

– Принесите стакан холодной воды и поднос с завтраком, – приказал служанке мужчина.

Женщина стремительно выбежала из комнаты – видимо, слуги в этом доме очень боялись своего хозяина.

– Мадам, вам следует лежать в постели, – заявил строгий джентльмен. – Вы не в том состоянии, чтобы отправляться в дорогу.

Кэролайн невольно вздохнула. Что ж, наверное, так оно и было. Но если она не сможет вернуться в Лондон до появления кухни Анны и ее мужа Чарлза... Ох, об этом лучше не думать.

– Сэр, вы не понимаете!.. Я должна была уехать еще вчера!

Джентльмен поджал губы и, откинув полы своего черного редингота, уперся кулаками в бока и проговорил:

– Нет, я все прекрасно понимаю. Обстоятельства заставляют вас срочно вернуться в город. Но доктор Кларк считает, что вам необходим отдых. Неужели нельзя отложить ваш отъезд на день или на два?

Кэролайн уже раскрыла рот, собираясь возразить, но мужчина вскинул вверх руку и вновь заговорил:

– Вы ночевали в моем доме и устроили переполох в такой час, когда никто не шумит. Однако мы до сих пор еще не представились друг другу. Я – лорд Хантингтон. А вы кто?

«Какой ужас! – мысленно воскликнула девушка. – Этот человек – пэр Англии». Если его не знал ее отец, то кузен Эдвард, граф Торнтон, знал наверняка. К тому же лорд Хантингтон произнес свое имя так, как будто она тоже должна его знать. Кажется, она действительно слышала это имя, но от кого? Видимо, кухня Анна упоминала его в одном из своих бесчисленных писем, которые писала ей в Хэрроугейт, где Кэролайн жила вместе с матерью. После смерти мамы отец отправил ее к бабушке и дедушке в Нортгумберленд, и там она тоже получила от кухни письма. Впервые в жизни Кэролайн пожалела, что недостаточно внимательно их читала.

Тут лорд Хантингтон подошел к ней поближе – его походка чем-то напоминала кошачью – и тихо спросил:

– Могу я узнать ваше имя?

Нет, она не могла назвать свое настоящее имя. Он не должен был знать, что она – дочь Реджинальда Лоуренса. Возможно, политические взгляды лорда Хантингтона и ее отца различались, а Кэролайн не хотела давать оружие в руки его врагов. К тому же ее страшил гнев отца.

– Мадам, назовите ваше имя?

– Я... э-э... – Кэролайн оглядела комнату, и взгляд ее остановился на огромном шкафе красного дерева. – Мисс Кэролайн *Армуа*².

Лорд Хантингтон оглянулся на этот шкаф и чуть приподнял бровь. Затем снова посмотрел на девушку и почти шепотом спросил:

– А вы помните, что произошло ночью?

Ночью?.. Кэролайн мгновенно вспомнила, что видела этого джентльмена в расстегнутой рубашке. И вспомнила его выпуклую мускулистую грудь. И еще... О, какой ужас! Она вспомнила, как он обхватил ее, обдав соблазнительным теплом.

О боже, неужели под воздействием какого-то медицинского препарата она занималась с его светлостью... чем-то непристойным?!

Кэролайн откашлялась и проговорила:

– Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, милорд.

– Что, совсем ничего не помните? – В голосе маркиза звучало сомнение.

Кэролайн снова откашлялась. Ей вдруг вспомнились слова Анны – та сказала, что близость между мужчиной и женщиной причиняет ужасный дискомфорт. Но она-то прошедшей ночью ничего такого не чувствовала – только страшную головную боль и пульсацию в висках.

– Между нами... Между нами что-то произошло? – пролепетала девушка. Ее щеки вспыхнули, и последние слова она произнесла едва слышным шепотом.

Губы лорда Хантингтона дрогнули, и он улыбнулся, отчего его лицо совершенно изменилось – стало почти мальчишеским.

– Мисс... Армуа, мне кажется, вы меня не поняли. Прошедшей ночью между нами произошло ничего неприличного и непристойного. Ведь вы – гостья в моем доме, и вы пострадали. Поверьте, я никогда бы не позволил себе воспользоваться вашим беспомощным положением.

– Вы имеете в виду... Значит, ничего не было?

– Уверю вас, абсолютно ничего!

Кэролайн прижала руку к груди и облегченно вздохнула. Она осталась цела, слава богу! В противном случае отец бы потребовал, чтобы лорд Хантингтон на ней женился, – если только он уже не был женат. Хотя на сей счет у нее имелись сомнения, так как хозяйка дома ни разу не появилась.

– Этой ночью вы заявили, что желаете вернуться в Лондон, – продолжал маркиз. – Но вы еще совсем слабы, и такого же мнения доктор Кларк. Он считает, что вам необходим отдых.

Кэролайн зажмурилась, и ей тотчас же вспомнилось, как она спускалась по великолепной лестнице, а потом вспомнились и сапоги, прижатые к ее груди. О боже, она пыталась украсть хозяйские сапоги! Какой кошмар!

– Боюсь, от лечебной настойки вашего доктора у меня помутилось в голове, – пробормотала девушка.

– Что именно вы помните?

– Ну... отдельные моменты. Можно мне сесть?

Лорд Хантингтон указал на стул, стоявший напротив:

– Да, конечно. И еще вы сообщили мне, что собираетесь стать монахиней.

Монахиней?.. Кэролайн подавила смехок. Неужели она так и сказала? Интересно, что за настойку дал ей доктор? Она покачала головой и уже собралась опровергнуть свое прежнее

---

² Armoire – большой платяной шкаф (*фр.*).

заявление, но потом вдруг подумала: «Если я никогда больше не увижу этого человека, то лучше так и сказать».

– Да, милорд, на следующей неделе я собираюсь вступить в Общину сестер Божьего промысла.

Упершись ладонями в колени, маркиз подался вперед и проговорил:

– А ночью вы сказали, что через месяц.

– Вот как? Знаете, у меня до сих пор туман в голове. Да, вы правы, через месяц.

– В таком случае вам некуда спешить. Вам следует написать вашим родным о том, что с вами случилось. Обязательно упомяните, что находитесь в Трент-Холле. Кто-нибудь из лакеев доставит письмо в Лондон.

«Нет, так не годится», – решила Кэролайн. Не следовало отправлять слугу на Гросвенор-сквер в дом Реджинальда Лоуренса. Но можно было отправить письмо миссис Рот и сказать, что домоправительница приходится ей тетей. Хотя нет, слишком рискованно.

– Благодарю вас, милорд, – сказала Кэролайн, – но я не могу здесь остаться. Я должна вернуться домой. – Она поднялась на ноги и в тот же миг почувствовала острую боль в затылке.

Девушка пошатнулась, но ее мгновенно обхватили сильные мужские руки. Она подняла голову и увидела пристально смотревшие на нее темные глаза, обрамленные густыми ресницами, что совсем не вязалось с суровыми мужественными чертами. Несколько секунд оба молчали. В комнате воцарилась тишина; казалось, смолкли даже птицы, которые за окном приветствовали своим чириканьем наступление утра.

– Мадам, похоже, вы постоянно попадаете в мои объятия, – заметил маркиз, проводя ладонью по спине девушки.

Она проигнорировала это замечание и отодвинулась. Но тут мужчина вдруг привлек ее к себе, и Кэролайн воскликнула:

– Милорд, что вы себе позволяете?!

– Мадам, замок от вашей цепочки зацепился за мои брюки, – ответил маркиз. – Позвольте мне отцепить ее, и тогда вы сможете отойти, не порвав мою одежду.

Опустив руку, Кэролайн тотчас добралась до цепочки, на которой обычно висел ее кошелек с мелочью, и стала ее дергать. Маркиз издал какой-то странный стон, и его длинные пальцы сжали ее запястье.

– Мисс Армуа, что вы делаете? – прохрипел он.

– Пытаюсь вам помочь, – в растерянности пробормотала девушка.

– Уверю вас, мадам, вы мне вовсе не помогаете. Пожалуйста, прекратите. – Лицо лорда Хантингтона вдруг словно окаменело.

Осознав всю глупость своего поступка, Кэролайн поспешно отдернула руку. Несколько мгновений его светлость стоял совершенно неподвижно. Потом вздохнул и снова занялся цепочкой.

– Ну вот, все в порядке. – Он отступил и быстро застегнул редингот. – Предлагаю вам вернуться в постель, пока вы снова не потеряли сознание.

Кэролайн подбоченилась и заявила:

– Я и не подумаю терять сознание. До вчерашнего дня я никогда не падала в обмороки.

– Вы должны понимать, что вы не в том состоянии, чтобы пускаться в путь.

Кэролайн молчала. Возразить было нечего. Ей действительно следовало еще немного отдохнуть. Кузина Анна и Чарлз еще не приехали в Лондон. Анна писала, что мать Чарлза заболела, поэтому им придется задержаться.

– Я уверен, что прав, – добавил маркиз.

– Да, кажется, мне нужно воспользоваться вашим гостеприимством еще на один день. И мне хотелось бы послать записку в Лондон моей тете, которая служит в одном из домов в Мейфэра³.

– Мудрое решение. А теперь хорошо бы вам съесть что-нибудь из того, что принесет служанка. И я уверен, у моей сестры, которая живет в этом же доме, найдется для вас ночная сорочка подходящего размера. Если вам понадобится что-то еще, – маркиз указал на шнур звонка, – мои слуги с удовольствием выполнят любое ваше поручение.

Покинув спальню, Джеймс с облегчением вздохнул. Неужели девчонка не поняла, что случайно потрогала пальцами его ширинку? Разве можно быть настолько наивной? Очевидно, она действительно собиралась присоединиться к монашеской общине. Слава богу, что такая женщина найдет приют в монастыре. Ее непременно следовало изолировать – для ее же собственной безопасности и для блага всех мужчин. Видимо, Господь решил с ее помощью наказать его, Джеймса. Или же Люцифер – соблазнить. Только так можно было объяснить появление Кэролайн Армуа в этом доме.

Но Кэролайн Армуа – вряд ли ее настоящее имя. Как сверкнули ее зеленые глаза, когда она взглянула на шкаф! Эта девушка явно что-то скрывала. К тому же... Будущие монахини вряд ли посещали собрания суфражисток.

Джеймс вошел в свою спальню и скинул редингот. Тут кто-то постучал в дверь. Конечно, это Рейли. Его лакей, как всегда, был пунктуален.

– Да, войдите!

Рейли вошел в комнату, широко улыбаясь.

Джеймс тут же заволновался.

– Отчего ты так развеселился?

– Пожалуй, не стоит вам знать. – Рейли снова улыбнулся.

Большинство слуг в доме относились к Джеймсу с большим почтением, но с Рейли-то они вместе росли. Отец Рейли был у них кучером. В детстве мальчишки вместе ловили рыбу и бродили по Эссексу (в основном они делали это тайком, потому что отец Джеймса не одобрил бы их дружбу). Так что этот слуга знал о своем хозяине больше всех, даже больше родственников маркиза и близких друзей. И он всегда сообщал Джеймсу, о чем шептались слуги в помещениях под лестницей.

– Черт возьми, перестань улыбаться и скажи, что ты узнал, – проворчал Джеймс. – Опять что-нибудь об Энтони или Нине?

Улыбка Рейли стала еще шире.

– Ни о том, ни о другой.

– Боже мой, неужели о Джорджи?!

– Нет, не о нем, хотя садовник жаловался, что вчера поймал юного Джорджи, когда тот мочился на тюльпаны. Когда же его спросили, зачем он это делает, ваш младший брат ответил, что ему показалось, будто они совсем высохли.

Джеймс невольно застонал. Ох, он этого не выдержит! Неужели ему придется заниматься воспитанием еще одного Энтони? Однако же... Ведь если речь шла не об Энтони, Нине или Джорджи, – то значит, что о нем самом.

– Выходит, ты принес сплетню о том, что это я толкнул ту женщину. Если так, то ты опоздал на целый день. – Джеймс отправился в ванную комнату и посмотрел в зеркало. Проклятье! Когда он небрит, то выглядит настоящим дикарем. Удивительно, что его гостья не закричала, когда увидела его утром.

Рейли отправился за ним следом, взял бритву и принялся ее точить.

---

³ Мейфэр – фешенебельный район Лондона.

– Вы плохо выглядите. Мучила бессонница?

Казалось, Рейли что-то имел в виду. Но что именно? Неужели слуга ночью видел, как он, Джеймс, нес мисс Армуа на руках? Или абсолютно все слуги решили, что в доме происходит что-то непристойное? Это не предвещало ничего хорошего ни его гостю, ни ему.

Джеймс невольно рассмеялся. Не хватало еще, чтобы люди шептались о том, что он развратил монахиню!

Рейли уставился на него с удивлением.

– Что вас рассмешило?

– Видишь ли, эта девушка – монахиня. Или собирается ею стать. По крайней мере, так она сказала.

– Неужели?.. А кучер, который вез ее, сказал, что у нее лицо ангела.

Джеймс что-то пробормотал в знак согласия.

– Ну... что тут скажешь? – продолжал Рейли. – Удивительны пути Господни. Возможно, она послана сюда, чтобы спасти наши души.

По спине маркиза пробежал холодок. У него возникло странное предчувствие: казалось, эта женщина появилась здесь для того, чтобы окончательно погубить его душу.

Глава 4

Переступив порог столовой, Джеймс обнаружил, что за столом сидели Нина и Энтони. Но что они здесь делали? Хм... глупый вопрос. Он прекрасно знал ответ. Из теплых постелей брата с сестрой выманило любопытство, связанное с молодой гостьей. Стоит ему сообщить, что мисс Кэролайн Армуа не будет завтракать с ними – они тут же вернутся в свои спальни.

– Доброе утро! – Маркиз отправился к сервировочному столу, взял себе тарелку и начал осматривать кастрюльки с горячими блюдами.

– Доброе утро! – раздалось в ответ.

Тут из коридора донеслись шаги. Нина и Энтони тотчас повернули головы. Причем братец провел пальцами по своим черным кудрям, явно прихорашиваясь. А сестра разгладила складки своего лилового платья.

Но в комнату вприпрыжку влетел Джорджи. Энтони шумно фыркнул, а Нина с разочарованием вздохнула. Мальчик же с удивлением уставился на них, потом подошел к сервировочному столу.

– Что *они* здесь делают? – Он кивнул в сторону Энтони и Нины.

– Завтракаем, – ответил Энтони и отправил в рот кусок омлета.

Нина вскинула подбородок и пробурчала:

– А разве нам нельзя завтракать вместе с вами?

– Раньше вы никогда этого не делали, – ответил Джорджи и, облизнувшись, посмотрел на горячие ячменные сконсы⁴.

– Если вы хотели посмотреть на нашу гостью, то вас ждет разочарование. – Джеймс уселся за стол и поставил перед собой тарелку с помидорами, сосисками и омлетом. – Мисс Армуа завтракает в своей комнате.

Глаза Энтони расширились.

– Мисс Армуа?.. Она француженка? Это интригует! Я видел ее только мельком, когда лакей нес ее на руках. Но все же я заметил, что она красотка, просто персик!

Джеймс нахмурился. Затем наклонился к брату и прошептал:

– Если попытаешься отведать этот персик, дорогой мой братец, тебе придется иметь дело со мной.

Энтони прижал ладонь к груди и, изображая возмущение, воскликнул:

– Милорд, я оскорблен!

– Не сомневаюсь, – сухо ответил Джеймс. – Это предупреждение, ясно?

Джорджи подошел к столу с тарелкой в руках, на которой горой высились сконсы, густые топлёные сливки, малиновый джем и одно яйцо. Мальчик уставился на сестру, и та воскликнула:

– Что случилось?! Я испачкалась?! – Нина схватила салфетку, лежавшую у нее на коленях, и начала вытирать губы.

– Ты сидишь на моем месте, – проворчал Джорджи.

– Всего-то? – Девушка кивнула в сторону пустующих стульев. – Здесь полно свободных мест. Что-то я не заметила на этом стуле гравировку с твоим именем.

– За завтраком я всегда сижу рядом с Джеймсом, – заявил мальчик.

– Но не сегодня, малыш. – Нина фыркнула. – И вообще, когда я была в твоём возрасте, мама и папа считали, что мы с Энтони должны есть в детской. Я не понимаю, почему Джеймс разрешает тебе завтракать вместе с нами.

---

⁴ Сконсы – пышные ячменные булочки.

Джеймс снова забеспокоился. Мама умерла через несколько месяцев после рождения Джорджи, поэтому иногда ему казалось, что сестра винила в ее смерти младшего брата.

– Нина, перестань. А ты, Джорджи, сегодня займи другой стул, поскольку твои брат и сестра уже сидят.

Мальчик посмотрел на свободное место рядом с Ниной и отправился вокруг стола, чтобы сесть рядом с Энтони.

Нина взглянула на старшего брата.

– А кто она, эта мисс Армуа? И почему ты поместил ее в комнату Генриетты... то есть в спальне рядом с твоей комнатой?

– Да, я тоже хотел бы это знать, – вставил Энтони.

– Мисс Армуа споткнулась и ударилась головой во время выступления Беатрис Уолкер. Доктор Кларк решил, что ей следует полежать несколько дней. Вот, собственно, и все, – добавил маркиз, пожав плечами.

– Но почему она находится в западном крыле, рядом с тобой? Ты ведь никогда не размещаешь там гостей, – заметила Нина.

Джеймс насадил на вилку сосиску и, покосившись на сидевшего рядом Энтони, проговорил:

– Эта женщина находится под моим покровительством, поэтому я решил, что будет разумно поселить ее поближе к моим комнатам.

– Значит, принял решительные меры, – проворчал Энтони.

– А она из Лондона? – спросила Нина.

Маркиз молча кивнул, а его сестра с улыбкой продолжала:

– Она не рассказывала тебе о балах, на которых бывала? Она умеет танцевать вальс? Во время этого танца партнеры очень близко прижимают даму к себе? – Голос Нины упал до шепота.

Джеймс тяжело вздохнул. Ему бы хотелось, чтобы Нина вышла замуж за человека, который ее полюбит. Но она еще недостаточно взрослая и могла выйти за какого-нибудь негодяя, который разобьет ее сердце...

Снова вздохнув, маркиз проговорил:

– Нина, эта женщина нездорова. Мы с ней не говорили ни о балах, ни о джентльменах. Более того, я сомневаюсь, что ее вообще интересуют балы.

– Не интересуют балы?! – изумилась девушка. – Но такого быть не может!

– Дело в том, что она намерена присоединиться к одному из религиозных орденов, – пояснил Джеймс.

Энтони подавился омлетом, и Джорджи, вскочив на ноги, стал колотить его ладонью по спине. Тот закашлялся, и Джеймс, вручив ему бокал с водой, сказал:

– Выпей, а то задохнешься.

Выпучив глаза, Энтони глотнул из бокала, потом пробормотал:

– Ты имеешь в виду... она будет монахиней?

– Да. Поэтому не вздумай крутиться около ее двери. Ей нужен отдых.

– Я даже не думал об этом. Во всяком случае – не сейчас. Но должен признать... очень жаль. – Молодой человек тяжело вздохнул.

Нина же зевнула и, вставая, проговорила:

– Тут ужасно скучно. Пойду обратно в спальню.

– Вот и хорошо, – заметил Джорджи. – Тогда я вернусь на свое место.

Нина строго взглянула на мальчика, потом повернулась к Джеймсу:

– Я не понимаю, почему мне нельзя выезжать уже в этом году. В августе мне будет восемнадцать.

Маркиз невольно поморщился. Сестра вела себя так, будто над ней нависла угроза остаться старой девой. А ведь она – еще совсем ребенок. А иногда вела себя как капризное дитя.

- Возможно, на будущий год, милая.
- Ты просто тиран! – Нина вылетела из комнаты.

* * *

Кэролайн проснулась и, приподняв голову, осмотрела спальню. Тени указывали на то, что солнце уже садилось. Значит, она проспала целый день. Девушка взглянула на стул, где ночью сидела служанка. Никого.

В дверь тихонько постучали. Кэролайн села и натянула одеяло до подбородка.

– Войдите! – крикнула она.

Тотчас же вошла молоденькая темноволосая девушка; на ней было лавандового цвета платье, украшенное цветами и кружевом. Она приложила пальчик к губам и тихо сказала:

- Не хочу, чтобы Джеймс знал, что я здесь.
  - Джеймс? Вы имеете в виду лорда Хантингтона?
- Девушка молча кивнула, а Кэролайн заметила:

– Но его поблизости нет.

Нина указала на дверь:

- Его спальня находится прямо за гостиной, разделяющей ваши и его покои.
- Неужели? – Кэролайн повыше натянула одеяло.
- Вы что, этого не знали? – удивилась девушка.
- Нет, не знала.

– Значит, вы – не любовница Джеймса?

Кэролайн задохнулась от возмущения.

– Нет! – произнесла она отчетливо. – Вы неправильно поняли ситуацию.

– Я думала, это какая-то хитрая уловка... Значит, это правда, что вы собираетесь стать монахиней? Джеймс не врал?

- Могу я узнать, кто вы?
  - Меня зовут Нина, и я сестра Джеймса.
  - Уверяю вас, до вчерашнего дня я никогда не видела вашего брата.
- Нина пододвинула изящный позолоченный стул поближе к кровати.
- Вы не против, если мы поговорим? – спросила она, присаживаясь.

Кэролайн протерла глаза.

- Нет... конечно.
- Я слышала, вы живете в Лондоне.
- Да.
- Скажите, а вы бывали на балах?
- Да, несколько раз.

Глаза Нины стали как чайные блюдца, и она пододвинулась поближе.

– Правда? Замечательно! Скажите, а те джентльмены, что бывают на балах, хороши собой? Какие платья теперь носят? Быстро ли заполняется бальная книжка? Мне очень хотелось бы про все это узнать. Пожалуйста, расскажите!

Но Кэролайн не знала, что именно рассказывать.

После маминой смерти ее на период траура отправили к дедушке с бабушкой в Нортумберленд, а потом, во время прошлого сезона, она вместе со своими кузенами побывала на нескольких балах. И джентльмены оценивали ее как племенную кобылу на ярмарке. Разве только не приподнимали верхнюю губу, чтобы осмотреть зубы. А во время разговоров они

относились к ней так, будто у нее вообще нет мозгов. После этого она начала притворяться, что у нее болит голова, и перестала ездить на балы. Если ей суждено было выйти замуж, то она не хотела бы, чтобы муж относился к ней так, как папа относился к маме.

Следующую статью она напишет об этом старомодном обычае, благодаря которому мужчины приобретали власть над женщинами. Но что же сказать Нине? Лорд Хантингтон, кажется, и так обеспокоен ее присутствием в доме. Поэтому не стоило говорить его сестре о том, что она думала об этой ярмарке невест.

– Пожалуйста, расскажите мне, что это за танец – вальс? – Глаза Нины блеснули от любопытства.

– Могу сказать, что вальсировать – это приятно, – ответила Кэролайн, не упоминая о том, что юные кавалеры, которые только учились танцевать, часто оказывались неуклюжими и наступали дамам на ноги.

– Скажите, а разговоры на балах бывают... волнующими?

– Если вас интересуют разговоры о погоде, то да, наверное, – невольно улыбнувшись, ответила Кэролайн.

– Скажите, а турнюр⁵ до сих пор обязателен? Розовый цвет по-прежнему в моде?

«Турнюр просто смешон. К тому же он мешает женщине удобно сидеть, – думала Кэролайн. – Наверняка его придумал мужчина, которому наплевать на женщин».

– Да, турнюр до сих пор в моде. И мне кажется, в этом году розовый цвет весьма популярен.

– Обожаю розовый! – вскрикнула Нина и, оглянувшись на боковую дверь, прикрыла рот ладошкой.

– Ваш брат в своей спальне? – спросила Кэролайн.

– Думаю, нет. – Нина махнула рукой. – Этим утром он отправился что-то делать недалеко от дома вместе с работниками, и с тех пор я его не видела.

«Пэр Англии работает на земле?» – удивилась гостья. Она глянула в окно. Небо уже начало темнеть, и если хозяин дома еще не вернулся, то, значит, скоро прибудет.

– Как вы думаете, меня станут приглашать на танец? – спросила Нина.

Кэролайн взглянула на собеседницу. Та казалась вполне привлекательной – пышные темные волосы, большие карие глаза...

– Я уверена, что джентльмены выстроятся в очередь – только бы их записали в вашу бальную книжку.

– Правда? – Нина вспыхнула.

– Ни минуты не сомневаюсь, – кивнула гостья.

– Ах, как замечательно! – воскликнула девушка.

Замечательно?.. Кэролайн с трудом подавила желание сказать сестре его светлости, что она действительно думала по этому поводу.

– Вы собираетесь выезжать в этом сезоне? – спросила Кэролайн.

Выражение лица ее собеседницы мгновенно изменилось. А в глазах заблестели слезы.

– Джеймс не хочет, чтобы я выезжала в этом году, – ответила девушка. – Поэтому придется подождать. Боюсь, он доволен жизнью в деревне. Сомневаюсь, что он поедет в Лондон даже тогда, когда меня представят ко двору. Мне кажется, он не хочет возвращаться в свой городской особняк, потому что именно там все произошло.

– Что произошло?

– Видите ли, там...

---

⁵ Турнюр – специальные подушечки, которые подкладывали дамам сзади под платье, чтобы придать фигуре пышность.

Шаги в коридоре заставили Нину замолчать. Она посмотрела на дверь, вскочила на ноги, схватила стул и тихонько возвратила его на прежнее место. Потом прижала пальчик к губам и нервно огляделась. После чего, подобрав юбки, спряталась за большой шкаф.

Шаги замерли около двери. Потом снова зазвучали и затихли вдали.

Нина бросилась к кровати и, взяв Кэролайн за руку, проговорила:

– Это Джеймс, я должна уйти.

Девушка подкралась к двери, приоткрыла ее и, улыбнувшись на прощанье, на цыпочках вышла из комнаты.

Кэролайн снова осмотрела спальню. Ночью, несмотря на туман в голове, она все-таки заметила великолепную мебель из красного дерева, но не придавала этому особого значения. То же случилось и утром, когда ее полностью поглощали мысли о необходимости вернуться домой. И только теперь она поняла, насколько красиво выглядела эта комната. Светло-лиловое покрывало на кровати, занавеси того же цвета, украшенные оборками и кистями. На стенах же висело несколько картин, в основном – цветочные натюрморты и садовые пейзажи с обилием цветов.

Повернувшись на бок, Кэролайн попробовала дотянуться до керосиновой лампы, чтобы подвернуть фитиль, но пальцы наткнулись на большую вазу кремового цвета, отчего та со стуком упала на пол. Девушка выбралась из кровати.

– Слава богу, ваза цела, – пробормотала она, с облегчением вздохнув.

За дверью, выходящей в соседнюю гостиную, раздались шаги.

– Мисс Армуа, вы в порядке? – спросил лорд Хантингтон.

– Со мной все в порядке.

– Можно мне войти?

Кэролайн вернула вазу на стол и скользнула под одеяло.

– Да, войдите, – ответила она.

Глава 5

С бьющимся сердцем Джеймс отворил дверь в спальню, где находилась Кэролайн Армуа. Увидев, что она сидит в постели, он с улыбкой сказал:

– Я услышал шум и решил, что вы упали.

– Простите меня! – Девушка указала на вазу, стоявшую на столике рядом с кроватью. – Я случайно ее уронила. Слава богу, она цела.

– Это случилось потому, что у вас закружилась голова?

– Боюсь, это просто моя неловкость.

Джеймс снова улыбнулся.

– Видите ли, мисс Армуа... – Черт побери, она такая же мисс Армуа, как он – лорд Буфет. – Не хотите ли вы назвать ваше настоящее имя, чтобы я мог обращаться к вам как положено, а не играть в шарады.

– Свое настоящее имя я вам уже назвала.

– Возможно, ваше имя действительно Кэролайн, – но Армуа... Едва ли именно так звучит ваша фамилия.

Девушка немного пошевелилась, и одеяло чуть сползло, так что стала видна ночная сорочка, которую по распоряжению Джеймса дала ей служанка. Ему показалось, что сорочка была довольно скромная, но круглый вырез позволял видеть округлые формы ее груди.

Джеймс отошел к окну и посмотрел в сад. Немного помолчав, спросил:

– За вами приедут ваши родные?

– Нет, я сообщила, что задержусь на несколько дней.

– Несколько дней? – переспросил маркиз, глянув через плечо.

Девушка вскинула подбородок.

– Вы же сами сегодня утром настаивали, чтобы я осталась.

Так оно и было, но тогда он был уверен, что ее родственники сразу же приедут за ней в его поместье.

– Вы им сообщили, где находитесь?

– Да, милорд.

Было очевидно, что девушка не знала о слухах, связанных со смертью его жены. Джеймс снова выглянул в окно. Закатное солнце освещало желтые тюльпаны, возможно – те самые, которые *поливал* Джорджи.

Упершись ладонью в подоконник, маркиз спросил:

– У вас есть братья и сестры, мисс Армуа? – Он сам не понимал, почему задал этот вопрос – просто захотелось узнать.

Хотя родные доставляли ему множество хлопот, Джеймс не мог представить жизни без них. Однако иногда ему казалось, что Нина мечтала, чтобы его не было. Забота о братьях и сестре, обеспечение их благосостояния – это стало главной целью его жизни. Неужели у Кэролайн не было никого в мире, кроме тетки, о которой она упоминала? Эта мысль почему-то очень его тревожила.

– Мисс Армуа, вы – сирота?

Девушка отвела глаза и стала теребить рукав сорочки. Гостья явно не хотела о себе рассказывать.

– Нет, мой отец жив, но мама почти всю жизнь болела и умерла два года назад, – с печальным вздохом ответила она.

– Сочувствую, – пробормотал маркиз.

– Благодарю вас, милорд. Перед маминой смертью мы провели много времени в Хэррогейте, надеялись, что минеральные воды помогут ее вылечить. – Девушка тяжело вздохнула.

Джеймс понял, она не знала о его прошлом, потому что ее не было в Лондоне какое-то время.

– А где ваши родители, милорд? Ваша матушка... – Она внезапно умолкла.

– Она умерла восемь лет назад, после рождения моего младшего брата Джорджа. А мой отец умер через несколько месяцев после нее.

– Как это ужасно! Очень тяжело терять близких – будто теряешь часть самого себя...

– Вы правы, – согласился Джеймс. И действительно, ощущаешь жуткую пустоту после потери близкого человека. Он вспомнил свою жену и их нерожденного ребенка, которого она носила под сердцем. Сердце его болезненно сжалось.

– Значит, у вас есть восьмилетний брат, милорд? – спросила девушка.

– Удивительно, не правда ли? Иногда мне кажется, что он – скорее мой сын, а не брат.

Он никогда прежде не признавался в этом. Разве он говорил об этом Генриетте? Кажется, нет. Они с женой не вели откровенных разговоров. Конечно, не следовало вести такие разговоры с незнакомкой, однако же... Она чем-то его привлекала.

– Мисс Армуа, наверное, вы голодны. Я распоряджусь, чтобы вам принесли поднос с обедом.

Джеймс оттолкнулся от подоконника и быстро направился в свою спальню, чтобы поскорее уйти от этой удивительной гостьи и ее поразительных глаз.

На следующее утро лил дождь, но к полудню появилось солнце. В тот день Кэролайн никого не видела, за исключением доктора и прислуги – ей в спальню приносили завтрак и полдник.

К счастью, головная боль стала слабее. Доктор Кларк предложил ей полежать еще несколько дней, но Кэролайн решила завтра вернуться домой. Она выбралась из постели и подошла к окну. Террасный сад простирался далеко вокруг. Маленький мальчик смеялся, глядя на щенка, пытавшегося поймать собственный хвост. Наверное, это был младший брат его светлости по имени Джордж. Кэролайн, улыбаясь, наблюдала за ними, пока мальчик и щенок не ушли далеко по дорожке сада. Девушка посмотрела на боковую дверь – та, по словам Нины, вела в гостиную. Может, там имелись перо и бумага? Тогда она могла бы записать свои мысли для будущей статьи о «ярмарке невест».

Кэролайн накинула белый халат, который хорошо сочетался с ее ночной сорочкой, открыла дверь и через щелку осмотрела гостиную. В отличие от той комнаты, где она спала, там не было ничего женского. Комната казалась абсолютно мужской, а стены были обшиты деревянными панелями. Около двойного венецианского окна стоял большой стол, а рядом с ним находилось кожаное кресло. Картины, висевшие на стенах, представляли пейзажи, выполненные в духе старых мастеров. На окнах висели бархатные шторы винного цвета. Кэролайн на цыпочках пошла по толстому красно-синему ковру в сторону высоких книжных шкафов.

– Могу я вам чем-нибудь помочь? – раздался знакомый низкий голос.

Кэролайн резко повернулась. В углу, на стуле, сидел лорд Хантингтон. Высокий бронзовый торшер освещал его белую рубашку и серые брюки.

– Извините, я не знала, что в комнате кто-то есть. – Кэролайн плотнее затянула пояс халата.

Его светлость с улыбкой поднялся и подошел к шкафу.

– Ищете, что почитать?

– Да, если не возражаете. Головная боль почти прошла, и мне хотелось бы отвлечься.

Кэролайн посмотрела на книгу в руке маркиза – ей стало интересно, что за роман он читал.

Заметив ее взгляд, он поднял книгу повыше.

– Это «Двадцать тысяч лье под водой». Читали?

Вопрос немного обидел Кэролайн. Почти все мужчины почему-то думали, что она читала только журналы мод.

– Да, конечно, – кивнула девушка.

– И что вы думаете об этой книге?

Удивительно! Он спросил ее мнение!

– Начав читать, я уже не могла оторваться!

– Захватывающая история, не правда ли?

Так у них начался интересный разговор об этом романе. Казалось, прошло всего лишь несколько минут, но тут пробили высокие напольные часы, и Кэролайн, посмотрев на них, с удивлением поняла, что они проговорили почти час.

– Мы не заметили, как время летит, – улыбнулась она.

– За интересным разговором время проходит незаметно, – отозвался маркиз. Уголки его губ приподнялись, черты лица смягчились, и сейчас он выглядел гораздо моложе.

– Да, так бывает. – Кэролайн взяла с полки «Вокруг света за восемьдесят дней». – Наш разговор навел меня на мысль прочесть еще один роман Жюль Верна. Благодарю вас, милорд.

Она поблагодарила его не только за книгу, но и за разговор, а также за то, что он общался с ней как с человеком, у которого имелись мозги.

Лорд Хантингтон поклонился, но тут взгляд его опустился ниже, и он уставился на ее губы. Неужели он хотел ее поцеловать? Сердце девушки сжалось от какого-то незнакомого чувства.

Маркиз же откашлялся и сказал:

– Надеюсь, вам понравится книга.

– Спасибо, милорд.

Возвращаясь в свою спальню, Кэролайн, казалось, чувствовала горячий взгляд лорда Хантингтона. По телу ее пробежала дрожь, но дрожала она вовсе не от страха.

Несколько часов спустя Кэролайн перевернула очередную страницу, когда вдруг услышала шаги в коридоре. «Интересно, это лорд Хантингтон возвращается с обеда?» – подумала она.

Девушка отложила книгу и посмотрела на дверь, соединявшую ее спальню с гостиной. Она вспомнила разговор о книге Жюль Верна. Интересно, заметил ли его светлость связь между образом капитана Немо и поэмой Гомера «Одиссея»?

Ей захотелось задать ему этот вопрос, поэтому Кэролайн встала с кровати, достала свое черное платье из шкафа, куда его повесила служанка, и надела его. Но, увы, напрасно она искала в шкафу свои башмаки. В конце концов Кэролайн решила, что если идти мелкими шажками, то его светлость не заметит, что она босиком. Тщательно разгладив складки платья, девушка приоткрыла дверь в гостиную.

Она заметила какое-то движение в комнате – у противоположной стены. А затем перед шифоньером появился лорд Хантингтон в рубашке. Но Кэролайн видела его только сбоку. Лорд сбросил с плеч подтяжки, на которых держались темные брюки. Потом расстегнул пуговицы на белой рубашке и стянул ее через голову. Свет лампы упал на него, обрисовывая выпуклую мускулатуру.

Внутренний голос подсказывал Кэролайн: «Закрой дверь!» Однако ноги будто приклеились к полу, как если бы через ковер проросли лианы и, опутав щиколотки, заставили ее стоять на месте.

Тут лорд немного повернулся, и стала видна широкая мускулистая грудь. Кэролайн судорожно сглотнула. Боже, он был красивее, чем все картины, которые она видела в Берлингтон-Хаусе или в любой частной галерее около Королевской академии. Тепло, возникшее внизу живота, распространилось по всему телу.

А маркиз бросил рубашку на стул, потом повернулся. Его спина выглядела еще соблазнительнее, чем грудь – она резко сужалась от широких плеч до талии. А его руки... Они двигались так, как если бы он расстегивал брюки. Ткань брюк спустилась немного ниже, но потом маркиз отошел – и скрылся из виду.

Кэролайн тихонько прикрыла дверь.

Лунный свет струился через прозрачные занавески, наполняя комнату голубоватым свечением. Кэролайн перестала ходить по комнате, когда часы пробили одиннадцать. Ох, почему она не могла заснуть?

Впрочем, она знала, в чем дело. После того, как ей довелось невольно наблюдать, как раздевался лорд Хантингтон, ее охватила нервная дрожь. И дрожь эта то и дело возобновлялась.

Может, это желание? Похоже, что да. А то, как он ранее глядел на ее губы... Наверное, он ее хотел. Кэролайн и прежде замечала вождение в глазах мужчин, но никогда не испытывала ответного желания.

Тихонько вздохнув, она подошла к окну и отодвинула занавески из ноттингемских кружев. Взгляд наткнулся на высокую фигуру, гуляющую по одной из дорожек парка. Лорд Хантингтон! Ей снова захотелось с ним поговорить. Она тронула пальцами губы и тотчас же вспомнила, как мама однажды рассказала ей о своем первом поцелуе. «Ты никогда его не забудешь, – говорила она. – Особенно... если высоко ценишь этого мужчину». Но Кэролайн очень сомневалась, что мама имела в виду отца, потому что ей казалось, что мать не так уж высоко ценила своего самоуверенного мужа.

Интересно, что она будет чувствовать, если лорд Хантингтон ее поцелует? Если она уступит своему желанию, это очень плохо? Но это был бы поцелуй единственного мужчины, принимавшего ее всерьез, то есть так, как будто у нее действительно имелись мозги.

Молодые кавалеры, впервые появившиеся в обществе, испытали в жизни значительно больше, чем юные дебютантки. Общество охотно позволяло юношам пополнять свои знания о некоторых сторонах жизни. Они проходили через ритуал становления мужчинами, что повышало их статус в глазах женщин. Какая несправедливость! Мужчины в результате приобретали опыт, а на репутацию женщин в таких случаях ложилось пятно, и их называли «фривольными».

Сестра его светлости сказала, что он не принимал участия в светской жизни. Значит, они, возможно, никогда больше не встретятся, следовательно...

Кэролайн, больше не размышляя, стала осматривать комнату в поисках своей обуви. Но ее башмаков нигде не было видно. Ах, если она не поторопится, то, скорее всего, упустит такую прекрасную возможность...

Девушка бросилась к двери и, приоткрыв ее, осмотрела темный вестибюль внизу. Вокруг никого не было, и она тихо спустилась по лестнице. Центральный коридор вел от входной двери в глубь дома. Кэролайн на цыпочках прошла почти через весь особняк и остановилась у застекленной двери, ведущей на террасу. Чуть помедлив, отворила дверь.

Туман, застилавший все вокруг, покрывал тонким слоем влаги гладкую поверхность каменных плит, холодивших ее босые ступни. Кэролайн приподняла юбку и зашагала по дорожке, обсаженной кустами самшита. С каждой секундой она уходила все дальше от дома. Ноздри заполняли запахи цветов и свежевскопанной земли. Впереди, в лучах молодого месяца, поблескивала статуя нимфы, длинные локоны которой были украшены венком.

Если бы мрамор умел говорить, что бы шепнула ей богиня? «Глупышка, вернись домой»? Но Кэролайн отбросила сомнения и прошла мимо статуи к балюстраде. Положив руки на холодные перила, она осмотрела нижний сад. Тут промелькнула какая-то тень, а в следующее мгновение она увидела высокую фигуру, почти скрытую рядами вечнозеленых растений. Собравшись с духом, Кэролайн решительно зашагала по дорожке и вскоре почувствовала запах

табака – но не трубочного, который курил ее отец. Скорее это походило на аромат сигарет, которые джентльмены курили, попивая по вечерам портвейн.

Но ведь от лорда Хантингтона никогда не пахло табаком... Что ж, возможно, он позволял себе выкурить сигарету только перед сном. Табачный дым, хорошо заметный в темноте ночи, струился между высоких деревьев. Закусив губу, девушка остановилась. Она довольно долго наблюдала за струйками дыма. Потом оглянулась на огромный особняк, высившийся у нее за спиной. В некоторых окнах горел свет, и они казались глазами, за ней наблюдавшими, – странная мысль, порожденная чувством вины, связанной с мечтой о поцелуе. «Ах, прочь все эти глупые светские условности», – сказала себе Кэролайн и двинулась в сторону дымка. Минуту спустя она вышла из-за деревьев.

Глава 6

– Простите, милорд, но я... – Слова застряли у нее в горле.

Джентльмен, стоявший за деревьями и пускавший струйки дыма в темноте ночи, оказался вовсе не лордом Хантингтоном. Просто они были очень похожи – оба высокого роста, с темными волосами и мужественным подбородком. Но этот человек был худощав и не такой широкоплечий. Когда же он усмехнулся, то стало очевидно, что он был менее сдержан в манерах и моложе, чем его светлость. «Наверное – брат, – подумала Кэролайн. – Во всяком случае, очень похож».

Молодой человек уронил под ноги сигарету и сделал шаг навстречу девушке.

– Боже мой, когда вы появились, я на секунду решил, что это ожила мраморная статуя, – проговорил он. – Но вы ведь – настоящая?

– Да, я настоящая... – в смущении пробормотала Кэролайн.

– Миссис, вы прекраснее, чем все, кого я раньше встречал, – продолжал молодой человек, подходя ближе.

Похоже, этот юнец был проказником самого высшего разряда, одним из тех, кто играет с женскими сердцами, а затем их разбивает. Кэролайн знала этот тип мужчин; они заполняли лондонские гостиные и присутствовали на любом светском мероприятии. Как правило, они были богаты и скучали, поэтому развлекали себя флиртом и распутством, а содержимое своих кошельков тратили на хорошее вино, игру и на счета портным. Даже в полутьме Кэролайн заметила синий жилет из дорогого цветного дамаска, пальто из тонкой черной шерсти и поблескивающий серый шелковый галстук.

Девушка бросила взгляд на подол своего платья. Слава богу, в тумане не были заметны ее босые ноги.

А молодой человек, внимательно взглянув на нее, спросил:

– Вы ведь та самая мисс Армуа, не так ли? Могу я представиться?

Кэролайн отступила на шаг и пробормотала:

– Да, пожалуйста, представьтесь.

Молодой человек с усмешкой поклонился.

– Лорд Энтони к вашим услугам, мисс Армуа. Но я был бы вам признателен, если бы вы отбросили формальности и называли меня просто Энтони.

– Очень приятно с вами познакомиться, лорд Энтони.

Молодой человек нахмурился при слове «лорд», но тут же с улыбкой сказал:

– Почему бы вам не прогуляться со мной? Тогда вы могли бы побранить меня за вольное обращение и пренебрежение приличиями. А потом могли бы рассказать мне о себе и о том, что привело вас в эту уединенную и такую скучную деревню.

Кэролайн сделала еще один шаг назад.

– Лорд Энтони, мне следует вернуться в свою комнату.

– И вы лишите меня удовольствия прогуляться с прекраснейшей из женщин?

– У меня такое чувство, сэр, что именно такие слова вы не один раз произносили на этих дорожках.

– Вы меня раните в самое сердце! – Энтони прижал руку к груди. – Неужели вы думаете, что я настолько беспечен и неразборчив?

Кэролайн с трудом удержалась от улыбки.

– Именно так я и думаю, сэр.

Юноша изобразил отчаяние.

– О, прекраснейшая, боюсь, я обречен потерпеть с вами неудачу.

– Пожалуй, что так, сэр.

Лорд Энтони извлек из кармана небольшую книжку в кожаном переплете.

– Мисс Армуа, вы не позволите мне увлечь вас чтением стихов Байрона при лунном свете?

– Обычно чтение любовных стихов приносит вам успех у женщин?

Энтони широко улыбнулся.

– А разве мне стоит этого стыдиться?

Кэролайн не смогла устоять – и улыбнулась молодому проказнику. А тот продолжал:

– Мне кажется, вы немного оттаяли, мисс Армуа. – Он внимательно ее оглядел и добавил: – Я думаю, с вами связан... какой-то обман.

Кэролайн похолодела. Неужели этот юный щеголь встречал ее в Лондоне?

– Я не совсем вас понимаю, сэр, – пробормотала девушка.

– Видите ли, в Риме я встречал нескольких монахинь-бенедиктинок. Но ни одна из них не выглядела так, как вы, и не говорила так смело, как вы. Эта ваша история – просто выдумка, не так ли?

Скрестив руки на груди, Кэролайн с серьезнейшим видом заявила:

– Нет, сэр, это чистейшая правда. – Ей очень не хотелось лгать, но что еще она могла сказать?

– Но если так... – Энтони приподнял бровь. – Почему же вы так испугались, когда увидели меня? Вы искали моего брата? Ночное рандеву?

Кэролайн молча отвернулась и посмотрела в глубину сада. Она прекрасно понимала, как сейчас выглядела. Длинные волосы распущены, руки без перчаток... И она даже не надела нижнюю юбку, отчего платье облегалось бедра и ноги. Что ж, придется к прочим грехам добавить еще одну ложь...

– Не стоит объясняться, – проговорил лорд Энтони. – Мой брат слишком долго вел жизнь святого. Что бы между вами ни происходило – это не мое дело. Хотя должен признаться, – он окинул девушку взглядом, – я немного ревную.

Молодой человек протянул ей руку.

– Позвольте проводить вас в дом. Уверю вас, Джеймса здесь нет.

– Вы меня не поняли, сэр, – ответила Кэролайн. – Поверьте, никакого заранее спланированного свидания не было.

И это была чистейшая правда. Конечно же, его светлость спокойно спал в своей постели, а она, Кэролайн... Девушка положила руку на рукав лорда Энтони, и они пошли обратно к верхней террасе.

В полном молчании поднимались они по гранитным ступеням. В какой-то момент Кэролайн заметила на лице своего спутника лукавую усмешку.

О, какое счастье, что завтра она уезжает! Ведь ясно же, что он не поверил ни одному ее слову. Только бы они не встретились в Лондоне. Потому что вся ее ложь немедленно будет разоблачена, если они столкнутся на каком-нибудь светском мероприятии.

Они уже приближались к дому, как вдруг громко хлопнула дверь. Им навстречу шагал лорд Хантингтон, стуча каблуками по каменным плитам. Выразительным движением он закатал рукава белой хлопковой рубашки, обнажая крепкие бицепсы.

– Энтони!

– Приближается лорд и повелитель, – с улыбкой заговорщика прошептал молодой человек.

Кэролайн взглянула на него с удивлением. Как он мог сохранять такое спокойствие? Ведь старший брат, казалось, едва сдерживал себя; и он выглядел весьма угрожающе...

Несколько секунд спустя лорд Хантингтон оказался прямо перед ними.

– Энтони, проклятый распутник! – закричал маркиз.

Очевидно, он считал, что у нее с его братом было в саду свидание. От этой мысли у Кэролайн загорелись щеки. И ей ужасно захотелось влечь лорду Хантингтону пощечину. Впрочем, она сама виновата. Ведь предположение маркиза было справедливым – она действительно вышла в сад, надеясь на свидание.

– Сэр, милорд, – проговорила девушка, – я смотрела на сад из окна, и он выглядел так красиво, а мне было так жарко, что я позволила себе выйти наружу, чтобы подышать свежим воздухом. Естественно, я не знала, что там гулял лорд Энтони. А когда он меня заметил, то был настолько любезен, что проводил меня до дома.

Хантингтон внимательно смотрел ей в лицо, стараясь понять, правду ли она говорит.

– Он был с вами вежлив? Не позволил ли он себе...

– Нет-нет, он был чрезвычайно корректен.

Маркиз прищурился, взглянув на младшего брата.

– Джеймс, ты же знаешь, я бы никогда не позволил себе ничего лишнего, особенно теперь, когда я знаю... – Энтони повернулся к Кэролайн. – Было очень приятно познакомиться с вами, мисс Армуа. Надеюсь увидеть вас за ленчем.

– Боюсь, мы не увидимся, сэр. Я намерена уехать утром.

– Тогда за завтраком, – сказал Энтони.

– Возможно, – отозвалась девушка.

– А если нет – то знакомство с вами для меня большая честь, – продолжал молодой человек. – Надеюсь, вы приедете к нам еще раз. Доброй ночи, мисс Армуа, доброй ночи, Джеймс! – С этими словами Энтони поспешно удалился.

Лорд Хантингтон снова посмотрел на девушку. Она в смущении разгладила ладонью складки платья.

– Вы решили, что позволительно гулять здесь без сопровождения? – спросил маркиз.

– Не вижу в этом ничего особенного.

– Правда? Вы так думаете?

Эти его слова неприятно удивили Кэролайн. Неужели она в нем ошиблась? Может, он, как и ее отец, считал, что женщины глупее мужчин?

– Лорд Хантингтон, я – не ребенок и могу принимать разумные решения самостоятельно, – заявила девушка. – Вам не обязательно вставать из-за меня с постели.

– Простите, я не это имел в виду, – в смущении пробормотал маркиз. – Но я озабочен состоянием вашего здоровья. Что, если вы неожиданно почувствуете слабость?

– Я бы не вышла в сад, если бы чувствовала себя больной, – ответила Кэролайн. – И я вовсе не собиралась гулять здесь в одиночестве.

Выражение лица маркиза мгновенно изменилось, и он бросился к застекленной двери, ведущей в дом.

– Подлый лжец! Я подвешу его за...

– Я вышла сюда не затем, чтобы встретить вашего брата, – поспешно добавила девушка.

Милорд резко остановился – как будто врезался в стену. Потом замер на несколько секунд, после чего спросил:

– Что вы сказали?

Кэролайн переминалась с ноги на ногу – босым ступням было не очень-то уютно на холодных каменных плитах. «Но что же сказать? – думала она. – Может, сказать правду?»

Кэролайн расправила плечи. «Сейчас – или никогда!» – решила она. После чего заявила:

– Мне показалось, что в парке гуляли вы, милорд. И я подумала... – Она на мгновение замялась. – Видите ли, мне показалось, что мы с вами испытываем взаимное влечение, поэтому я хотела попросить вас о поцелуе.

Сказав это, Кэролайн почувствовала себя так, как будто спрыгнула с высокой скалы. Сердце забилось часто-часто, ладони вспотели, а ноги стали словно ватные.

Лорд Хантингтон подошел к ней поближе, но между ними все же оставалось несколько шагов. Казалось, он хотел что-то сказать, но почему-то ничего не говорил. И у Кэролайн сложилось впечатление, что он просто не знал, что сказать – настолько был шокирован ее словами.

Тут маркиз вздохнул, откашлялся и провел ладонью по своим растрепанным черным волосам, отчего стал выглядеть совсем дикарем.

– Вы хотите, чтобы я вас поцеловал? – осведомился он.

Щеки девушки пылали, но она утвердительно кивнула.

Маркиз же отвернулся и, пробормотав что-то нечленораздельное, сделал несколько шагов назад – и замер на несколько мгновений. Потом вдруг повернулся к девушке лицом и хриплым голосом произнес:

– Почему?

– Меня никто никогда не целовал, и мне хочется это испытать, – ответила Кэролайн. Когда она думала об этом, такой ответ казался ей вполне разумным, но сейчас...

Маркиз сделал еще несколько шагов в ее сторону.

– Так вы думали до того, как решили уйти в монастырь, – а теперь?..

Кэролайн смутилась – она совсем забыла про монастырь. Не зная, что сказать, она ответила:

– И теперь тоже.

В жизни Джеймса было много всего, но никогда еще невинная девушка не просила его о поцелуе – особенно такая, что собиралась удалиться от мира. Он поглядел на губы своей гостью. И они вдруг показались ему невероятно притягательными.

За несколько часов до этой встречи он велел отнести в ее комнату ванну и сейчас, подойдя к ней поближе, почувствовал приятный запах мыла, исходивший от ее кожи.

«Не делай этого!» – прозвучал у него в голове трезвый голос, неподконтрольный желаниям. Если и есть прямая дорога в ад, то он отправится туда, если только дотронется до этой девушки. Но желание поцеловать было сильнее, чем желание дышать. И он отбросил сомнения.

– Пойдемте! – Джеймс взял ее за руку. – Терраса – не место для этого.

Девушка молча кивнула.

«Помогай мне бог, – думал маркиз, – меня бы следовало высечь до полусмерти за то, что я затеял».

Они направились в северную часть террасы. Свет газовой лампы у дома, падавший на лицо Кэролайн, освещал ее пылавшие щеки и глаза, похожие на темные изумруды.

– Куда мы идем? – спросила она почти шепотом.

– Там есть беседка, – отозвался маркиз.

Держа девушку за руку, он миновал металлические столы и кресла, стоявшие на верхней террасе, потом свернул на лестницу, спускавшуюся к каменным плитам и дорожкам, усыпанным гравием. Они уходили из ухоженной части сада с его подстриженными рядами тисовых деревьев в более дикую часть парка. Еще два поворота мимо густых зарослей – и они оказались около скамейки, но Джеймс прошел и мимо нее.

Оба молчали. Слышно было только их дыхание и скрип гравия под ногами. Кэролайн неожиданно охнула и споткнулась. Джеймс тотчас обхватил ее за талию, чтобы поддержать.

Может, он слишком быстро шел? Ведь ей приходилось делать два шага, в то время как он делал один. Девушка могла подумать, что он слишком уж нетерпелив. Впрочем, так оно и было.

Джеймс давно уже не целовал женщин. А то, что происходило между ним и Генриеттой, вряд ли можно назвать ласками... Каждый раз жена мучила его вопросами о том, похожи ли ее губы на губы тех женщин, которых он целовал, хотя за время их семейной жизни у него не было других женщин. «Другие» существовали только в ревнивом воображении Генриетты.

– На мне нет обуви, – прошептала девушка.

Джеймс взглянул на ее подол, и она в смущении приподняла его, чтобы он увидел ее бледные ножки и прелестные очертания щиколоток. Но с какой стати она разгуливала босиком?

Словно услышав его немой вопрос, она ответила:

– Я не могла найти свои ботинки.

подавив желание подхватить ее на руки, Джеймс перешел с гравийной дорожки на мягкую траву.

Поверх деревьев показался стеклянный купол садовой беседки. Когда ему было семнадцать, именно тут он потерял невинность с помощью лучшей подруги матери леди Анабель Амерст, имевшей склонность к юношам. Джеймс замедлил шаг. Неужели они останутся после нескольких поцелуев?..

Проклятье! Он никогда не позволял низменным помыслам брать верх над разумом. А сейчас вел себя не лучше Энтони.

Резко остановившись, Джеймс сказал:

– Кэролайн, дайте мне пощечину и велите отвести вас в дом.

Лунный свет касался ее полных губ, и она молча смотрела ему прямо в глаза. А потом вдруг коснулась его груди и провела пальчиками по обнаженной коже в вырезе рубашки. Кровь тотчас бросилась ему в низ живота – и там все затвердело.

Мысленно выругавшись, Джеймс снова зашагал в сторону беседки, хотя внутренний голос заставлял повернуть назад. Но темная сторона сознания настойчиво требовала идти вперед. Впереди же высилась каменная беседка с большими застекленными окнами и стеклянной крышей, поблескивавшей в лунном свете.

Подойдя ко входу, маркиз поднял руку и достал с резной притолоки ключ.

Плетистая роза обвивалась вокруг дубовой двери, и Кэролайн осторожно погладила ее. Рука девушки дрожала. Значит, она не была уверена в правильности своего поступка.

Что ж, теперь самое время признать, что их поведение было необдуманным. Но Джеймс все же повернул ключ в замке и, взяв девушку за руку, увлек ее в темное пространство беседки. Выдвинув ящик овального инкрустированного стола, он достал спички, чтобы зажечь лампу. Шведская спичка вспыхнула оранжевым пламенем, и почувствовался запах серы. Масляный фитиль начал тлеть, а потом озарил беседку мягким желтоватым светом, который стал еще ярче, когда Джеймс немного подкрутил фитиль. Во время поцелуя ему хотелось видеть каждую черточку лица Кэролайн.

Девушка тихо кашлянула и провела пальцем по вазе с фруктами.

– Здесь кто-то бывает? – спросила она.

Джеймс указал на небольшой книжный шкаф.

– Вы уже знаете, что я люблю читать. Здесь очень уютно. А когда солнечные лучи падают сквозь стеклянную крышу, получается превосходное освещение.

– Ах вот что... – протянула Кэролайн.

Внезапно голос ее прервался, и она, осмотревшись, увидела резную кушетку красного дерева под темно-синим покрывалом, а также валики и подушки в чехлах с ярким рисунком. Стройная шейка дернулась, и маркиз, покосившись на нее, сказал:

– Мы можем вернуться в дом и сделать вид, что никогда здесь не были.

Ему не хотелось, чтобы Кэролайн ушла, но ей следовало знать: она могла уйти в любую секунду. А девушка, казалось, колебалась. Она молча подошла к книжному шкафу и провела пальцем по переплетам книг. Потом вдруг повернулась к нему и заявила:

– Нет, я хочу остаться.

– Вы уверены?

– Да!

Что ж, если она хотела этого... Ей следовало подойти поближе. Джеймс протянул ей руку и произнес:

– Тогда подойдите ко мне.

На мгновение ему показалось, что она не сдвинется с места, но Кэролайн сделала несколько шагов и остановилась. В свете лампы ее зеленые глаза переливались множеством оттенков.

Джеймс боялся испугать девушку, поэтому осторожно положил руку ей на талию и привлек к себе. После чего склонил голову и тронул губами ее нежные губки – он отчаянно боролся с желанием целовать ее по-настоящему.

По-прежнему держа девушку в объятиях, он немного отстранился. Кэролайн подняла ресницы; в ее прелестных зеленых глазах стояло удивление. Джеймс знал это выражение, оно означало, что партнерша охвачена физическим желанием.

Взяв ее лицо в ладони, он спросил:

– Чего вы хотите, Кэролайн?

Боже, неужели он задал этот вопрос?! Что ж, если так... Значит, дьявол действительно овладел им. Следовало немедленно вернуться в дом. Но вместо этого он положил руку ей на затылок и снова коснулся губами ее губ. Другая же его рука медленно двигалась по спине девушки. Внезапно из груди ее вырвался тихий стон, и Джеймс покрепче прижал ее к себе.

Кэролайн тихонько вздохнула, и глаза ее расширились.

– Если вы действительно хотите этого, тогда доверьтесь мне, – прошептал Джеймс и тут же добавил: – Я покажу вам, насколько чувственным может быть поцелуй.

Глава 7

От теплого дыхания лорда Хантингтона шея Кэролайн покрылась горячими мурашками. Слова о чувственном поцелуе звучали у нее в ушах. Она была не из тех, кто боится ответить на вызов. И разве не она сама этого хотела?

А давление мужских губ становилось все требовательнее, все настойчивее... А затем его язык вдруг скользнул меж ее губ, и ей захотелось вырваться и отступить. Ее кузина Анна была замужем уже три года, но она никогда не говорила ни о чем подобном. Хотя однажды вечером, после изрядного количества выпитого шерри, кузина была очень откровенна и охотно поделилась опытом...

Внезапно все тело Кэролайн словно наполнилось жаром, голова стала на удивление легкой, а ноги, напротив, отяжелели... Стараясь удержаться, она обвила руками шею маркиза и прильнула к нему.

На мгновение его рука коснулась ее груди, и он, как ей почудилось, тихо застонал, потом отступил на шаг. Когда же заговорил, дыхание его было прерывистым:

– Все, хватит, Кэролайн. Вы попробовали, что такое поцелуй, и, надеюсь, удовлетворили свое любопытство.

Удовлетворила? Ах, все ее тело горело точно в огне! И она вдруг поняла, почему некоторые пары искали уединения во время бала и почему планировали тайные свидания вдали от любопытных глаз. Ей ужасно хотелось продлить эти чудесные ощущения, прежде чем вернуться в Лондон к своим газетным статьям... и к жизни без лорда Хантингтона. К жизни, в которой мог появиться какой-нибудь жених, за которого ее пожелает выдать отец.

– Но ведь это всего лишь поцелуй... – прошептала она с разочарованием.

Маркиз тихо рассмеялся.

– Дорогая, вы не понимаете, что может произойти. Чем дальше мы зайдем, тем труднее будет остановиться. Возвращайтесь поскорее в дом.

«Наверное, он прав», – подумала Кэролайн. Ей, конечно, следовало бы уйти. Но она все же не уходила. И снова провела ладонью по груди маркиза, ощущая контуры твердых мускулов под тонкой тканью рубашки. И еще она почувствовала биение его сердца, совпадавшее с биением ее собственного сердца.

А лорд Хантингтон что-то пробормотал сквозь зубы, затем, откинув голову девушки, стал покрывать поцелуями ее шею.

Кэролайн громко застонала, а он прошептал ей в ухо:

– Тебе это нравится?

– Да! – воскликнула она.

В тот же миг его губы снова коснулись ее губ, и этот поцелуй всецело захватил Кэролайн; она покачнулась и упала на кушетку, увлекая за собой Джеймса. Тот, пристроившись с ней рядом, снова принялся целовать ее, затем легонько сжал грудь и стал массировать сосок. У девушки перехватило дыхание, а потом из горла ее вновь вырвался стон.

Внезапно маркиз начал расстегивать лиф ее платья. Корсет же, нижняя юбка и чулки остались в спальне, поэтому тонким барьером между ними служила только ее нижняя рубашка. Он опять стал массировать ее соски, и вскоре они набухли и сделались твердыми как камешки. Кэролайн, тихо вздохнув, закусила губу; ей ужасно хотелось дотронуться до него, хотелось почувствовать его обнаженное тело, и она начала расстегивать рубашку маркиза.

Он тотчас же стал ей помогать, затем отбросил рубаху в сторону. Девушка принялась поглаживать его мускулистую грудь, он тем временем подергивал узел на вороте ее рубашки. Ох, как же ему хотелось развязать этот узел...

«Быстрее, пожалуйста!» – мысленно просила Кэролайн, не смея произнести это вслух.

Тут Джеймс вдруг отвернулся; казалось, он внимательно рассматривал темный угол беседки. Лунный свет падал через стеклянную крышу на его загорелую кожу и на жилку, пульсировавшую на шее. Потом он вновь повернулся к ней, и она поняла, что маркиз хотел остановиться. Не думая о том, какую бурю она могла породить, Кэролайн запустила руку в его черные шелковистые волосы и притянула к себе.

Их губы снова слились в поцелуе, а потом все произошло очень быстро; платье и нижняя рубашка были стянуты до талии, и теперь маркиз целовал ее плечи и груди, одновременно задирая юбку.

Кэролайн тихо ахнула, почувствовав, как его пальцы погружаются меж ее ног. Настойчивое давление породило у нее какое-то странное ощущение, самое интимное местечко стало влажным, а по телу раз за разом пробежала дрожь предвкушения... чего именно?

– Я хочу... – пролепетала она.

Он впился поцелуем в ее губы, заставив замолчать. А потом в ее теле как будто что-то взорвалось, и она ощутила вибрирующий поток ни с чем не сравнимого наслаждения.

Поправив юбку девушки, Джеймс натянул тонкую ткань на ее округлые бедра и стройные щиколотки. Длинные каштановые волосы струились по обнаженным плечам, а розовые кончики грудей напоминали груди сирены, посланной к нему, чтобы соблазнять. И ведь ей это почти удалось... Он чуть отодвинулся, стараясь спрятать набухший на брюках бугор.

Проклятье! О чем они только думали?! Теперь ее дыхание вроде бы выровнялось, ресницы опустились, но она, кажется, не спала. Что же происходило сейчас у нее в голове? Джеймс потянулся за шерстяным покрывалом, накинутым на спинку кушетки, и накрыл им обнаженную грудь девушки.

Она открыла глаза и, улыбнувшись, пролепетала:

– Это было... – Она внезапно умолкла, словно пыталась найти слово для описания произошедшего.

Для Джеймса же все это было настоящей пыткой. О боже, ведь он едва не овладел этой девушкой!

Тут глаза ее снова закрылись, и она тихонько вздохнула. Что, смутилась? Или просто устала? Хм... трудно сказать. Но он-то в любом случае должен отвести ее обратно в дом. Хотя...

Нет-нет, он должен отвезти ее в тот женский монастырь, о котором она говорила, и велеть настоятельнице запереть девицу в келье.

Джеймс тяжело вздохнул. Он чувствовал себя виноватым. Ведь это он предложил обучить ее искусству поцелуев... Хотя она, конечно же, очень этого хотела, не так ли?

Джеймс заглянул в ее лицо – такое же невинное, как у херувимов на картинах Тициана, и исполненное такого же сладострастия, как лицо Венеры Урбинской⁶.

Дыхание девушки стало глубоким и ровным; казалось, она заснула. Осторожно, стараясь ее не разбудить, маркиз стащил с нее покрывало и завязал шелковую ленту у ворота, чтобы скрыть от глаз прелестные груди. Когда он впервые тронул языком их чудесные розовые соски... О, именно в тот момент он едва не овладел ею.

Закинув руки за голову, Джеймс уставился в стеклянную крышу, над которой сверкали звезды. Если найти сейчас все известные ему созвездия, то, возможно, удастся отвлечься от грешных мыслей...

Нет, это невозможно!

Тут небольшие настольные часы пробили время. Три ночи, а он по-прежнему не спал. А всего лишь несколько минут назад спящая соблазнительница с ангельским личиком поверну-

---

⁶ Венера Урбинская – картина Тициана Вечеллио, находится в галерее Уффици во Флоренции.

лась к нему спиной и задела своим очаровательным задиком его мужское достоинство. И в тот же миг его плоть напряглась – точно голодный пес, которому показали аппетитную косточку.

Джеймс сделал несколько глубоких вдохов и попытался представить Кэролайн в виде беззубой старухи. Но, увы, игнорировать ее чудесную попку – это было невозможно.

А она вдруг повернулась к нему лицом и положила руку на его обнаженную грудь. Потом тихонько вздохнула и закинула согнутую ногу ему на бедро.

Джеймс шумно выдохнул. Наверное, следовало столкнуть ее с кушетки, чтобы разбудить. Но, с другой стороны, разбуженная девушка могла оказаться еще опаснее, чем спящая...

Маркиз энергично задвигался, стараясь унять возбуждение в паху.

«Монахиня? Как бы не так! – Он мог бы поклясться, что эта девушка точно так же годилась для монастыря, как он – для служения в церкви. – Интересно, хоть что-то из того, что она говорила, соответствовало действительности? Утром нужно будет добиться от нее правды».

Джеймс закрыл глаза, но вместо того, чтобы «считать овец», стал думать об озере с очень холодной водой, которая могла бы остудить его и снять напряжение в паху.

Кэролайн окружало приятное тепло. Прижавшись к источнику этого тепла, она вдохнула запах душистого мыла... и мужчины.

«Мужчины?» Она открыла глаза.

Оказалось, что она прильнула к спящему лорду Хантингтону. Девушка задержала дыхание и сняла обнаженную ногу с его бедра. А потом вдруг обнаружила, что лиф ее платья был спущен до талии; грудь же прикрывала лишь тонкая ткань нижней рубашки. Щеки Кэролайн запылали. В ней боролись весьма противоречивые чувства, – но все эти чувства совершенно ничего не значили по сравнению с тем наслаждением, которое она испытала. Ох, это было изумительно!

Кэролайн осторожно оперлась на локоть и выбралась из-под согнутой руки маркиза. Теперь она могла хорошенько его разглядеть. Во сне он выглядел не таким уж суровым. А щетина у него на подбородке... Кэролайн вспомнила колючее прикосновение, когда он целовал ее, и соски девушки тотчас напряглись.

Она спустилась с кушетки, а Хантингтон во сне прикрыл ладонью глаза, стараясь загородиться от солнца, поднимавшегося над горизонтом.

Оправив лиф платья, Кэролайн застегнула пуговицы и провела рукой по подолу в тщетной попытке разгладить складки. Двигаясь с предельной осторожностью, она подошла к двери и взялась за ручку. Ей не хотелось оборачиваться, потому что она боялась совершить какую-нибудь глупость – как прошедшей ночью. Однако же, не удержавшись, девушка глянула через плечо – и сердце ее сжалось. Ей ужасно захотелось вернуться к лорду Хантингтону и снова оказаться в его объятиях. Хотелось разбудить его и спросить, что ему снилось, а затем рассказать о своих мечтаниях... Но что он о ней подумает, если она признается, что хочет стать журналистом, подписываться собственным именем, а потом, возможно, стать и редактором газеты?

Кэролайн тихонько выскользнула из беседки. Проложив обратный путь по дорожке через сад, она открыла высокие стеклянные двери и направилась к спальне. Войдя, прислонилась к двери и облегченно выдохнула, так как не встретила на пути никого из прислуги.

– Здравствуйте, – проговорил тоненький голосок.

Сердце Кэролайн забилося быстрее, и она обернулась к двери, ведущей из ее спальни в гостиную. На нее смотрел маленький мальчик с растрепанными темными волосами, одетый в белую ночную сорочку. Это был тот самый мальчуган со щенком, за которым она наблюдала из окна спальни.

– Здравствуйте! – Кэролайн улыбнулась и подошла к нему. – Что-то случилось?

Мальчик потер кулачком сонные глаза.

– Я не могу найти Джеймса. Мне кажется, что под моей кроватью прячется кто-то... или что-то.

– Понимаю. – Девушка присела перед малышом на корточки. – Я Кэролайн. А ты – юный Джорджи, да?

Мальчик молча кивнул.

– Можно я пойду и посмотрю?

Мальчик снова кивнул.

Кэролайн выпрямилась и протянула ему руку.

– Что ж, идем? Покажи мне дорогу, пожалуйста.

Маленькие пальчики сжали ее ладонь. Кэролайн открыла дверь спальни, и они пошли по длинному коридору в противоположное крыло дома. Когда они шли мимо одной из дверей, мальчик прошептал:

– Здесь спит Нина.

Он показал на другую дверь.

– А здесь комната Энтони.

Как ни странно, Джордж не стал просить брата и сестру заглянуть к нему под кровать, хотя их комнаты находились ближе. Девушка вспомнила слова лорда Хантингтона о том, что он считал малыша почти своим сыном. Поведение мальчика подтверждало это.

Когда они вошли в комнату, мальчик указал на массивную кровать орехового дерева, украшенную сложной резьбой.

– Под ней, – прошептал он так, словно боялся разбудить существо, прятавшееся внизу.

Кэролайн шагнула к кровати, встала на четвереньки, но ничего не увидела. Но она знала, что такое страшные сны, которые случаются в детстве. Если же сказать, что это – всего лишь плод воображения, мальчик ей не поверит.

– Оно до сих пор там? – Джордж закусил губу.

– Нет-нет, все в порядке. – Кэролайн похлопала по кровати. – Забирайся под одеяло, и я расскажу тебе, как заставить того, кто там прятался, никогда больше не возвращаться.

Немного поколебавшись, мальчик подошел к кровати, затем проворно запрыгнул на нее. Было очевидно: он боялся, что кто-нибудь страшный схватит его за ногу.

– Когда я была маленькая, – проговорила Кэролайн, укрывая мальчика одеялом, – мама сказала мне секретную фразу, которая отпугнет всех страшилищ из комнаты. Так и случилось.

Глаза Джорджа округлились.

– Правда?..

– Конечно, правда. Ты должен сказать вот что: «Хаффети бу, я тебя не боюсь!» Я любила повторять эти слова очень громко. Хочешь попробовать?

– А они помогут, если я буду говорить не очень громко? – Мальчик посмотрел на дверь. – Если я буду говорить очень громко, может проснуться мисс Маркем, моя няня.

– Ах вот оно что... Ты можешь даже шептать... или произносить эти слова про себя.

Джордж тихо повторил заветную фразу.

Кэролайн снова стала на четвереньки и заглянула под кровать.

– Никого. Кто бы там ни прятался, он уже не вернется.

– Правда?

– Я уверена.

Мальчик улыбнулся. Ответив ему улыбкой, Кэролайн погладила его растрепанные кудри.

– Как ты думаешь, я могу уйти? – спросила она.

Мальчик закивал.

– Да-да, конечно. Спасибо вам!

Кэролайн подошла к двери и сказала:

– А теперь спи, Джорджи.

Джеймс открыл глаза – и тотчас же зажмурился от яркого света, бьющего сквозь стеклянную крышу. Он провел ладонью по подбородку, шершавому от утренней щетины, и вдруг вспомнил все произошедшее ночью.

Но где же Кэролайн? Маркиз осмотрелся. Эта маленькая распутница должна многое ему объяснить – начиная с того, кто она такая на самом деле.

Джеймс поднялся с кушетки, надел рубашку и заправил ее в брюки. После чего быстро вышел из беседки и стремительно зашагал по гравийной дорожке, ведущей к дому. У верхней террасы он встретил двух садовников, подстригавших вечнозеленые кустарники. Они посмотрели на него с изумлением, но тут же отвели глаза. Джеймс не очень-то хорошо представлял, как он сейчас выглядел. Пожалуй, он выглядел не так, как подобает.

Шагая по дому, маркиз громко стучал каблуками, и некоторые из слуг провожали его взглядами.

Лэнгли же вышел ему навстречу, и на его обычно невыразительном лице было выражение озабоченности.

Джеймс резко вскинул руку, давая понять, что не желает слушать. Ворвавшись в коридор западного крыла, маркиз прокричал:

– Кэролайн!

Он настежь распахнул дверь спальни и огляделся. Девушки в комнате не было.

Джеймс прошел в соседнюю гостиную. Там тоже пусто. Посмотрел на каминные часы – девять утра. Видимо, она пошла в столовую, чтобы позавтракать. Он снова потер ладонью подбородок, заросший щетиной. Сначала следовало привести себя в порядок, а уж затем серьезно поговорить с этой девицей.

Войдя в свою спальню, маркиз снял рубашку, швырнув ее на кресло, затем скинул обувь. В комнату вошел Рейли, держа в руках его редингот.

– Вижу, вы сегодня пренебрегли обычаем ездить верхом по утрам. – Лакей указал на застеленную кровать. – Да и сном в собственной спальне – тоже.

Джеймс прищурился и проворчал:

– Мне кажется, мы не дрались на кулаках с самого детства, но если ты посмеешь сказать мне что-нибудь неуважительное, то я тебя уложу.

Блеск в глазах Рейли выдавал его тайные мысли, но он почтительно поклонился.

– Нижайше прошу прощения, милорд...

– Извини меня, я немного не в себе. – Маркиз вздохнул. – Пойди спроси Лэнгли, видел ли он мисс Армуа?

Рейли тоже вздохнул, внезапно превратившись из почтительного слуги в озабоченного друга.

– Она уехала, – сказал он. – Уехала рано утром, на рассвете.

У Джеймса отвисла челюсть.

– Что?..

– Девушка села в один из ваших экипажей и отправилась на станцию в Хелмсфорде.

«Нужно ее вернуть!» – мысленно воскликнул Джеймс. У него имелись к ней вопросы. Он схватил с кресла мятую рубашку, надел ее и бросился к двери.

Внизу, в вестибюле, стоял Лэнгли – явно чем-то озабоченный.

Но что бы ни тревожило дворецкого, с этим можно было подождать. Сейчас следовало как можно быстрее добраться до станции. Маркиз подошел к двери и посмотрел на пустой коврик для обуви.

– Где мои сапоги? – проворчал он.

Лицо Рейли выражало недоумение. Дворецкий же откашлялся и проговорил:

– Милорд, кажется, вы приютили воришку. Ваши сапоги стояли здесь, пока утром не уехала мисс Армуа. А теперь их нет. Я пересчитал серебро, ни один предмет не пропал. Я в растерянности, милорд... Выходит, сапоги – это единственное, что украла женщина.

Маркиз мысленно застонал. Ох, эта маленькая распутница! Следовало немедленно ехать на станцию и вернуть ее.

Глава 8

Джеймс проглотил кусок омлета и нахмурился. Завтрак показался ему отвратительным, хотя не по вине повара. В это утро ему бы не угодил даже повар самой королевы. Обнаружив, что Кэролайн исчезла, он оседлал Тора и помчался на железнодорожную станцию, но там узнал, что лондонский поезд уже ушел.

Нина вздыхала и посматривала на дверь столовой. Вот уже третье утро подряд сестра и Энтони рано утром поднимались с постели, чтобы завтракать вместе с Джеймсом и Джорджи.

– Мисс Армуа собирается присоединиться к нам? – спросила девушка.

– Она вернулась в Лондон, – ответил Джеймс, стараясь говорить как можно спокойнее.

– Уехала?.. – Энтони внимательно взглянул на старшего брата.

– Да! – выдохнул тот.

– Но мне показалось, она сказала, что уедет после завтрака.

– Ты ее видел? – Нина насупила брови.

Энтони же повернулся к лакею, стоявшему около буфета, и распорядился:

– Мартин, принесите кофейник с горячим кофе, пожалуйста.

– Слушаюсь, милорд. – Слуга взял дымящийся серебряный кофейник и не моргнув глазом вышел из комнаты.

– Да, видел, – продолжал Энтони. – Вчера вечером я вышел в сад, чтобы выкурить сигарету, а она вышла, чтобы подышать свежим воздухом.

– И что же вы там делали? – Нина повысила голос.

– Ничего мы не делали! Мне бы очень хотелось, чтобы обо мне перестали думать самое плохое. – Энтони швырнул салфетку на стол и встал.

– Нет, ты наверняка что-то сделал! – Нина тоже вскочила из-за стола.

Джеймс тяжело вздохнул. Боль в висках, начавшаяся на железнодорожной станции, усиливалась. Он всегда хотел иметь детей, но, видимо, не способен их правильно воспитывать. Нина получилась капризной и эгоистичной, а моральные принципы Энтони больше подходили мартовскому коту. Впрочем, кто он, Джеймс, такой, чтобы осуждать брата? Увы, прошедшей ночью он вел себя отвратительно...

Джеймс посмотрел на Джорджи – тот спокойно ел свой завтрак. Джорджи был чудесным мальчишкой, если не считать того, что мочился на тюльпаны, не так ли?

Разгоревшаяся перепалка между Ниной и Энтони вырвала маркиза из задумчивости, и он стукнул кулаком по столу. От этого фарфоровая посуда на столе задребезжала, а незажженная свеча в канделябре упала и покатилась по полированной поверхности. Джорджи успел схватить ее, прежде чем она упала на пол.

– Сядьте оба! – крикнул Джеймс.

Неприятно глядя друг на друга, Нина и Энтони вернулись на свои места. Покосившись на Джеймса, девушка пробурчала:

– Я хотела поговорить с мисс Армуа. Хотела задать ей еще несколько вопросов.

– Еще несколько?.. – Джеймс с удивлением уставился на сестру. – Значит, ты успела с ней поговорить?

– Да, успела. И я не собираюсь извиняться по этому поводу. Я расспрашивала ее о Лондоне.

Отложив нож и вилку, маркиз задумался. А может, Кэролайн рассказала о себе что-то важное? Например, кое-что о себе... Возможно, у нее и впрямь имелась тетушка-домоправительница.

– И что же тебе рассказала наша недавняя гостья? – В ожидании ответа он невольно затаил дыхание.

Нина улыбнулась с таким видом, будто получила необыкновенно важную информацию.

– Она рассказала мне, что вальс – это чудесно. И сказала, что джентльмены будут становиться в очередь, чтобы потанцевать со мной. И еще сказала, что розовый цвет теперь – самый модный.

Джеймс с разочарованием вздохнул. Ох уж эта зеленоглазая красотка! Ему следовало бы знать, что она слишком умна и ничем себя не выдаст. Он уже почти решил, что отправится по тому адресу, который она дала для доставки записки, и расспросит домоправительницу о ее лживой, соблазнительной и обаятельной племяннице.

Хотя... Нет-нет! Это сразу даст повод для сплетен. Кроме того, может случиться, что тетка Кэролайн служила в доме каких-нибудь его знакомых.

– И я с ней говорил, – сообщил Джорджи, проглотив кусочек плюшки со смородиной.

– Ты?.. Но когда?.. – Джеймс с удивлением уставился на малыша.

Юный Джордж смахнул крошки со щеки.

– Ранним утром. Я не мог заснуть, потому что думал, что кто-то прячется у меня под кроватью. – Джорджи в смущении уставился в свою тарелку. – Но я... я не боялся...

– Ничего постыдного нет в том, что ты испугался, Джорджи. *Каждый из нас* знает, что такое страх, – заметил маркиз.

Джорджи повозил вилкой по тарелке.

– Даже ты, Джеймс?

– Конечно. – Маркиз мысленно вернулся к тому моменту ранним утром, когда он прискакал к железнодорожной платформе и увидел, что на ней никого нет. Его тогда охватил страх, но почему? Подобное поведение противоречило здравому смыслу.

Джорджи, улыбнувшись, проговорил:

– Когда я вошел в твою комнату, тебя там не было и постель была неразобрана.

Энтони с Ниной тут же устали на старшего брата.

– Тогда я пошел в гостиную, – продолжил Джорджи, – и услышал шум в соседней спальне. Я подумал, что ты там. Но там была эта женщина. Она такая милая... Я рассказал ей, что ищу тебя, так как что-то прячется у меня под кроватью. Она взяла меня за руку и пошла со мной в мою комнату. Потом заглянула под кровать и сказала, что там никого нет, но если я снова услышу шум, то она знает, что надо делать.

– Что именно?! – оживился Энтони.

– Она сказала, что нужно произнести: «Хаффети бу, я тебя не боюсь». Это волшебное заклинание, и оно выгонит всякого, кто прячется под кроватью. Кэролайн сказала, что этому ее мама научила. Я повторил эти слова, и они помогли. Тот, кто был под кроватью, больше не вернулся! – Джорджи радостно улыбнулся.

Джеймс представил, как Кэролайн держит мальчика за руку, ведет его в комнату и произносит заклинание, которое поможет Джорджи преодолеть страх. Ему легко удалось представить себе эту картину, слишком легко...

Два часа спустя маркиз сидел в своем кабинете, взгромоздив ноги на стол. В руках он держал один из башмаков Кэролайн. Неудивительно, что она не могла найти их ни ночью, ни утром. Одна из служанок унесла их под лестницу, чтобы смазать мазью для обуви. Джеймс повертел в руках изящные ботиночки на шнуровке, затем посмотрел на марку обувщика на подошве: «Франсуа Пине». Хм... обувь из Франции!

Ах Кэролайн, ах маленькая лгунья. Конечно же, она вовсе не племянница домоправительницы. Это можно было понять и раньше – слишком уж она была образованной.

Джеймс резким движением скинул ноги со стола и поморщился, когда ступни коснулись пола. Сапоги, которые пришлось надеть для поездки в Хелмсфорд, были ему малы и жали. Но неужели Кэролайн не знала, что сапоги для мужчины – совершенно незаменимая вещь?

Вероятно, ему и впрямь необходимо отправиться в этот особняк в Мейфэре. У Джеймса вырвался смешок. Отправиться в Лондон с парой женских башмачков – какая глупость! Он отбросил башмачок в сторону, но спустя секунду поднял его и осторожно поставил рядом с другим на угол стола.

Сделав несколько исправлений в проекте новой системы водоснабжения, Джеймс снова посмотрел на башмачки Кэролайн. Затем отвернулся и попытался сосредоточиться на чем-то другом. Но взгляд то и дело возвращался к башмакам. Наконец, не выдержав, он выдвинул нижний ящик стола, сунул их туда и захлопнул ящик.

В дверь кабинета постучали.

– Войдите! – крикнул маркиз.

Вошел Рейли. У него сегодня был выходной на полдня. Так что же он здесь делал?

– Я отправляюсь в Мингсфилд, – сообщил слуга. – Не желаете присоединиться?

Но что Рейли делать в Мингсфилде? Ведь там жили в основном фермеры, разводившие овец...

– Только не говори, что у тебя появилась особая любовь к овцам, – проворчал Джеймс.

Рейли громко рассмеялся, потом сказал:

– Нет, конечно. Просто старик Смит организует бои у себя в амбаре.

– Петушиные бои? – Джеймс нахмурился. – Не интересуюсь.

– Нет, кулачные бои без перчаток. – Рейли усмехнулся. – Могли бы развлечься, снять напряжение...

«У земли ужасно неприятный вкус, особенно в тех случаях, когда с ней смешан конский навоз», – думал Джеймс. Черт побери! Он считал себя здоровяком, но его противник был размером с быка. А последний его удар ощущался как столкновение с паровым локомотивом. Маркиз подавил стон и, заставив себя подняться, бросил взгляд на Рейли; тотпил из кружки эль и улыбался вместе со своими ирландскими друзьями.

«Проклятый ублюдок! Не слишком ли он радуется?» Джеймс расправил плечи и нанес противнику удар в челюсть, от которого тот попятился.

Толпа притихла. Джеймс знал, что большинство собравшихся поставили на бойца-гиганта. Конечно, они радовались, что он, Джеймс, упал, но если бы они знали, что он лорд, то жаждали бы крови.

Противник сплюнул слюну, окрашенную кровью, и ринулся на Джеймса с поднятыми кулаками и выставленным вперед животом. Джеймс ударил его в пузо, но гигант только икнул. В толпе захохотали, а противник усмехнулся и нанес очередной удар.

Джеймс пытался уклониться от удара, но не успел – костяшки пальцев, твердые как железо, врезались в челюсть, и боль молнией пронзила голову. Он попятился и потрогал челюсть. «Наверное, неделю не смогу жевать», – промелькнуло у него. А каши он терпеть не мог.

Лоб его покрывала испарина, и пот капал на кончик носа. Джеймс утер лицо рукавом. Какого дьявола он позволил Рейли уговорить его выйти на ринг? Если этот гигант его убьет, то следующим маркизом Хантингтоном будет Энтони. Но он, Джеймс, еще не готов к этому. К тому же он должен заняться воспитанием Джорджи и одобрить жениха, выбранного Ниной. Но он не позволит ей выйти за какого-нибудь охотника за деньгами, который обязательно разобьет ей сердце. Нет, этого нельзя допустить.

Единственный способ побить противника – это его ослепить. Собравшись с силами, Джеймс нанес удар в лицо гиганта. Из рассеченной брови хлынула кровь прямо тому в глаза. Тот заморгал, а Джеймс сказал себе: «Сейчас или никогда». Стараясь не замечать боли в ободранных кулаках, Джеймс нанес еще один удар. А потом – снова и снова.

– Уф!.. – прохрипел гигант. Но он все еще держался на ногах.

«Да падай же, бычара!» – мысленно воскликнул маркиз – и снова провел несколько быстрых ударов.

Тут гигант, наконец, согнулся пополам, а потом рухнул на землю.

В амбаре воцарилось молчание, а Джеймс, взяв у Рейли свой пиджак, вышел навстречу закатному солнцу.

– Теперь стало полегче? – Слуга ухмыльнулся и похлопал его по плечу.

Джеймс ухмыльнулся в ответ – и тут же поморщился от боли; челюсть ужасно болела.

Рейли же помахал пачкой банкнот – это был его выигрыш – и с гордостью заявил:

– Впервые мне не пришлось выходить на ринг, чтобы заполучить такую сумму. Я знал, что вы победите, потому что настроение у вас было хуже некуда.

– Значит, сюда ты ходишь в свои выходные дни? – спросил Джеймс, хотя прекрасно знал ответ, так как частенько видел синяки на лице Рейли. – Разве я мало тебе плачу?

Рейли весело рассмеялся:

– Видели бы вы, как местные дамы утешают меня после боя!

Когда Джеймс подъехал к Трент-Холлу, на небе уже сияли звезды. Боль, терзавшую его после боя, облегчила изрядная порция эля, выпитая в баре по дороге из Мингсфилда.

Остановив коня, маркиз спешился и неуклюже затопал по гравию – на ногах его были только чулки.

– О, дьявольщина, – проворчал он, запрыгав на одной ноге.

– Это все потому, что вы сняли и бросили сапоги, – сказал Рейли. – Какой-нибудь счастливец наверняка уже нашел пару почти новеньких веллингтонов⁷, брошенных у дороги.

Маркиз нахмурился и пробурчал:

– Кто бы ни нашел их, пусть носит. Они чертовски жмут.

Когда он доковылял до дома, дверь распахнулась и навстречу ему выбежал Энтони.

– Где ты был, Джеймс? Что с твоим лицом? И где твои сапоги?

– В Лондоне, у зеленоглазой ведьмы.

– Черт возьми, да ты пьян! – Энтони наморщил нос и отступил на шаг.

Рейли хлопнул хозяина по плечу и подтвердил:

– Да, есть немного! А еще ему чуть-чуть больно.

– Ладно, это к делу не относится, – сказал Энтони. И вдруг заявил: – Нина пропала!

---

⁷ Веллингтоны – высокие кожаные сапоги для верховой езды; такие носил герцог Веллингтон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.